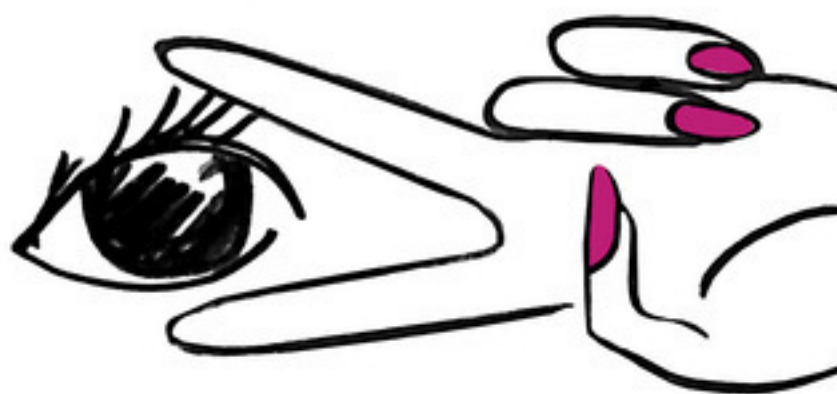

Поцелуй с разбега!

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина

Поцелуй с разбега!

«ЭКСМО»

2006

Ларина А.

Поцелуй с разбега! / А. Ларина — «Эксмо», 2006

У юной Верочки были настолько красивые и длинные ноги, что девушка не сомневалась – все мужчины на свете горят желанием упасть к этим самым ногам. Вскоре так и случилось: роскошный парень Володя окружил ее заботой, вниманием и даже предложил руку и сердце. Но судьба уже неслась к Верочкиной бочке меда со своей ложкой дегтя – и вот бедная студентка оказалась обманута и брошена. Что делать? Топиться – не прикалывало. Вера обратилась за помощью к своей старшей подруге, которая не растерялась и устроила ее в офис своего любовника. Вот тут-то все и началось...

© Ларина А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Арина Ларина

Поцелуй с разбега!

Глава 1

Светильник в прихожей давно следовало поменять. Света он давал меньше, чем фонарик на каске шахтера, зато причудливые тени от восточного орнамента, пущенного по тусклому стеклу, в избытке расплывались по обоям, зеркалу и высокой стройной барышне, пытавшейся наложить макияж на свежее личико, вовсе не требовавшее грубого косметического насилия.

– Вера, где рейтузы? – трагически возопила крупная женщина, возмущенно дернув девушку за ультра-короткую юбочку. – Ты себе все отморозишь!

Тонкий тюбик помады, вырвавшись из дрогнувшей от неожиданности руки, совершил в воздухе несложный пируэт и пролетел по траектории, соответствующей давно открытому закону всемирного тяготения, щедро мазнув по тонкому джемперу, облегающей юбке и завершив кульбит жирной алой точкой на сапоге.

– Мама, – раздраженно выдохнула Вера. – Спасибо, что не ударила! Я вообще-то красюсь!

– А Леночка из восемнадцатой квартиры не красится, – моментально пошла в атаку мать. – И в такой мороз по льду на каблучищах не ходит! Хочешь встретить Новый год в гипсе и памперсах?

В этом вопросе была вся Ярослава Аркадьевна. Она всегда ударялась в крайности и эмоционализовала по любому поводу, будь то невыполнимое, на ее взгляд, обещание депутата в последних новостях или слишком тонкий голос очередного Вериного кавалера, позвонившего своей любимой и по недоразумению нарвавшегося на ее неласковую маму. Ярослава Аркадьевна не любила держать мысли в себе. Поскольку все они казались ей достойными обнародования, за ней прочно закрепилась слава скандалистки и крайне некоммуникабельной дамы. На самом деле она была человеком крайне впечатлительным и ранимым, но прятала свою уязвимость за мощными габаритами и неудержимой вербальной активностью. Считая, что нанести удар нужно первой, она всегда дезориентировала противника своей прямолинейностью и неожиданным подходом, желая в первую очередь обратить внимание собеседника на его собственные недоработки, чтобы у ошеломленного ее натиском оппонента не осталось ни сил, ни желания на констатацию каких-либо негативных моментов в ее образе. И после этого мама Верочки искренне не понимала, почему люди обижаются.

– Представляешь, – сокрушалась она, призывая дочь в союзницы, – Наталья со второго этажа со мной теперь не здоровается. И все почему? Я ей сказала, что в ее возрасте неприлично так краситься, надо поскромнее, побледнее. В наши годы пора уже о внуках думать, а не о мужиках. Нет бы поблагодарить: кто ей еще-то, кроме меня, глаза откроет? Так нет! Морду воротит. Вот и жди от людей благодарности за добрые дела.

Верочка привыкла к маминым выходкам, прекрасно понимая, что спорить и перевоспитывать взрослую женщину бесполезно. Тем более что во время переходного возраста, будучи еще очень юной и малоопытной в семейной дипломатии, она уже попыталась объяснить маме расстановку сил. На тот момент восстание было на корню подавлено, оставив в светлой душе Верочки тягостный осадок собственной неправоты и вечный повод для упреков, поскольку тот давний эпизод мама на протяжении многих лет с удовольствием вспоминала при каждом удобном случае, в красках расписывая свои страдания и дополняя описательную часть все новыми и новыми подробностями.

Девушка решила, что если кто и отважится бороться с маминым правдолюбием, то это точно будет не она. Представив себе реакцию одинокой незамужней Натальи, которая, к слову сказать, была лет на пятнадцать моложе Ярославы Аркадьевны, на советы «ровесницы», Верочка сдержала улыбку и покорно согласилась с мамой. Мама любила, когда ее правоту подтверждали. Будучи начальником отдела, она имела возможность достаточно часто получать подтверждение своей правоты, поскольку сотрудницы не решались на открытую конфронтацию, предпочитая лишний раз кивнуть, чем объяснять, почему и в чем именно не права громкая Ярослава.

Верочка всегда поступала по-своему. То, что маме не нравились короткие юбки и голые колени, никак не отражалось на дочкином гардеробе. У Веры были изумительной красоты и длины ноги, поэтому прятать их она не планировала. Все остальное было умеренно симпатичным и в глаза не бросалось, зато стройные конечности, поставленные на шпильки, разили наповал. Кавалеры при виде ее гладких коленок и остальных идеально-ровных линий, стремительно возносящихся к подолу юбок, больше похожих на пояса, теряли самообладание и готовы были пойти за ногой барышней на край света, как крысы за волшебной дудочкой. Сама Вера к излишнему мужскому вниманию относилась снисходительно, позволяя обожать себя, и слегка презирала сильную половину человечества за столь ярко выраженную подверженность низменным инстинктам.

– Это так скучно, Руська! – вздыхала она, сидя в кухне у своей подруги Русланы и деликатно затолкав свои достоинства под стол, дабы не нервировать Русиного супруга. – Им наплевать, что у меня внутри! Они готовы спать со мной, совершенно меня не зная! А моя душа, а мысли? А я сама? Что, у меня, кроме ног, ничего больше нет, что могло бы представлять ценность для человечества?

– Может, и есть, – хмыкала многоопытная Руслана, – только в глаза не бросается. А копыта твои просто семафорят зеленым светом! Вот если бы ты их прятала...

– Чего это? Они красивые! Может, мне еще и лицо паранджой занавесить?

– Глупо переться на болото с голым задом и удивляться, что тебя зажали комары! Если я иду на деловые переговоры, то я грудь прикрою, чтобы не отвлекать людей от обсуждения вопроса, а если деловой партнер интересуется мной не только как деловой, но и как просто партнер, то я надену блузку с таким декольте, что жертва скончается от восторга и четко оформленных мыслей еще на подступах к крепости! – Руся многозначительно колыхала бюстом, который в ее образе был столь же ценен, как и ноги у ее молодой подруги. Руслана была дородной яркой блондинкой с большой грудью и тонкой талией. Следствием этих ее неоспоримых достоинств являлись ветвистые рога ее супруга Гоши, которым позавидовал бы любой старый олень, и постоянные внутрисемейные разборки с битьем посуды и неконкретными, весьма обтекаемыми придирками, поскольку муж, явственно ощущавший тяжесть окостенелых образований в районе темени, тем не менее так ни разу и не смог уличить красавицу Русю в неверности.

– Но не все же такие примитивные, есть ведь где-то нормальные мужчины? – демонстративно тосковала Вера.

– Есть, – односложно соглашалась Руслана. – Где-то шляется твой принц, который тоже ищет бескорыстную и любвеобильную подругу. Возможно, тебе повезет, как нам с Гошей!

В такие моменты Руся обычно жарко обнимала мельтешившего по апартаментам супруга, старавшегося уловить из дамской беседы подробности личной жизни жены и по этой причине нарезавшего круги в непосредственной близости от места чаепития. А Вера, обладавшая информацией о похождениях подруги, мысленно крестилась и круглыми, наивными глазами двадцатилетней девчонки таращилась на идиллически сюсюкавшую парочку.

Глубоко презирая похотливость противоположного пола, Верочка тем не менее постоянно провоцировала недалеких, на ее взгляд, самцов на проявление их низкой сущности. Ей нравилось наблюдать за сменой выражения лиц мужчин, парализованных видом ее потрясающих ножек. Она любила, сев с девчонками после вечерних лекций в метро, горделиво вытянуть свои идеальные конечности под тихое завистливое сопение одноклассниц и собрать ворох восхищенных взглядов. Ничего зазорного в этом не было: красивые прически не прячут под косынки и шапки, роскошную грудь не скрывают под строгими блузками, а тонкую талию не занавешивают балахонами. Женщине свойственно воодушевленно демонстрировать свои плюсы, тщательно скрывая малочисленные минусы. Молоденькой студентке, по прихоти природы наделенной умопомрачительными ногами, нравилось чувствовать свою власть над сильной половиной человечества. Кося глазками и вдохновенно собирая горящие взгляды кавалеров, пребывавших в возрастном ареале от четырнадцати и до бесконечности, она чувствовала себя все понимающей умудренной дамой, снисходящей до созерцания столь примитивных существ. Они были как на ладони со всеми своими улыбочками, полунамеками и подмигиваниями. К Верочкиному модельному росту, слегка перевалившему за сто восемьдесят сантиметров, прилагалось милое детское личико хорошей домашней девочки с большими наивными глазами. Это вводило кавалеров во временное заблуждение. Начиная атаку с низкого старта и рассчитывая на быструю победу, они внезапно натывались на достойный отпор и холодный насмешливый взгляд. Этот взгляд Верочка репетировала вместе с Русланой, филигранно отточив малейшие оттенки мимики, превращавшей лицо вчерашней школьницы в надменную маску светской львицы. Имея такие ноги и такое самомнение, как у Верочки, это было несложно. Особенно приятно было огоршить какого-нибудь самоуверенного мужичка, предлагавшего посмотреть дома DVD, кротким вопросом из серии: «А жена не заругает?» или «Раздеваться прямо сейчас или перед началом киносеанса?». Еще девушке нравилось, некоторое время построив из себя неискушенную в половых вопросах овечку, доверчиво соглашавшуюся поесть конфет и фруктов на чужой территории, внезапно металлическим голосом подвести итог переговоров, сообщив: «Ладно, пятьсот баксов за два часа». Обычно перезрелые ухажеры после столь безапелляционного заявления исчезали, словно пожухшая листва, стремительно уносимая порывистым октябрьским ветром. Правда, пару раз трюк не подействовал: один из мужчин, годящихся ей в отцы, попытался сосредоточенно торговаться, а другой, оставивший свой «БМВ» на раскаленном летним солнцем проспекте и спустившийся в метро именно с целью познакомиться, немедленно согласился оплатить удовольствие. Верочка оскорбилась и сообщила отвергнутому ловеласу, что в подземке можно купить для удовлетворения своих физиологических нужд все что угодно: еду, питье, газету, но не советскую студентку! Мужик расстроился, поскольку только на днях, прихватив в туалет вместо «Пятого колеса» один из глянцевого журналов, с упоением поглощаемых женой, вычитал там умнейшее умозаключение, сделанное то ли маститым психологом, то ли зеленым журналистом: в метро запросто можно подцепить миллионера, поскольку половина из них бродит там в поисках Золушки, а другая перемещается по городу в электричках, когда ломаются «Мерседесы» и «Лексусы». Подивившись изворотливости фантазии неизвестного писаки, обучающего девчонок охоте на крупную «дичь», он решил найти себе подружку именно там, где юные девы незамужними толпами носились по своим охотничьим угодьям в поисках холостого олигарха. Но ни отсутствие обручального кольца, ни наличие «Ролекса» и массивной золотой цепи на волосатой груди не сломили сопротивление ногастой Веры. Она не желала быть ошарашенной.

Ровесники тоже не особо вдохновляли девушку. Они шли напролом, как похмельные бульдозеристы, не тратя времени на дипломатию, а предельно четко сообщая весьма замысловатый план развития событий. Нет, Верочка с удовольствием встречалась с парнями, благо выбор был довольно богатым, но первый же серьезный роман с накачанным пятикурсником из института физкультуры обогатил ее весьма ценным жизненным опытом: неожиданная

задержка цикла потрясла банальностью внезапного обрыва розовой мечты о светлом будущем, и хотя и оказалась лишь случайностью, но за пару дней ошеломляющего ожидания катастрофы Вера поняла, что ни один мужчина не стоит таких моральных терзаний. Их нужно использовать, без сожаления меняя на более новые модели, как вышедший в тираж прошлогодний гардероб. И ни в коем случае не позволять использовать себя, даже не давать им шанса возомнить, что они что-то там такое получили за красивые глаза. Красивые глаза могут быть только у девушек, а у мужского пола может быть бесперебойно работающий мозг и, как следствие, толстый кошелек. Додуматься до столь полезных вещей ей помогла Руслана, объяснив, что мужик без кошелька хорош только в период романтики, когда влюбленные готовы питаться лишь чувствами и сутками пялиться на луну, зато когда дело дойдет до построения шалаша и добычи пропитания, слабая женщина рискует наткнуться на непонимание и обвинение в меркантильности. Подаренные цветы завянут, обещанные звезды так и останутся висеть на небе, а скукожившаяся от холода и голода любовь тихо издохнет под гнетом жизненных обстоятельств. Точно так же непригоден в быту приземленный экземпляр с толстым кошельком, но без особых умственных способностей, отсутствие которых свидетельствует о бесперспективности кавалера в плане совместного ведения хозяйства. В общем, советы Русланы сводились к тому, что обладательница достоинств, аналогичных Верочкиным, имеет право быть разборчивой.

Пора любви еще не пришла, поэтому Верочка с удовольствием пользовалась свободой.

Мама, несмотря на вечное недовольство и желание озвучивать все, что не соответствовало в дочкином внешнем виде образу «приличной девушки», относилась к Вере весьма лояльно, не устраивая скандалов по поводу поздних возвращений, если Вера заранее звонила и предупреждала, что задержится, и понимая, что рядить двадцатилетнюю студентку в юбки до полу – явный педагогический перегиб. В душе она гордилась дочерью, но считала, что хвалить лишний раз не стоит.

Она растила Верочку одна, в относительном достатке, но без излишеств. И самой сокровенной мечтой Ярославы Аркадьевны было удачное замужество любимого чадушка. Как и любой матери, ей хотелось, чтобы жизнь додала ребенку все, что было недополучено родителями. Но судьба была иногда слишком привередлива и назначала своими любимчиками отнюдь не самых достойных.

Глава 2

Зима выдалась слякотной и непостоянной, как характер дамы климактерического возраста. Погода изо всех сил мешала Верочке показывать себя с лучшей стороны, хотя именно в этот вечер было просто необходимо стать сногшибательной.

Она не была корыстной, но, оправдывая себя стремлением дать своим будущим детям все самое лучшее, тщетно стремилась в высшие слои общества. Только там, по мнению Русланы, водились кандидатуры, достойные опутывания брачными узами. Конечно, можно было откопать бриллиант и в серой обезличенной массе, трясущейся в метро, но зачем пытаться поймать одинокого караса на удочку в луже, если в руках сеть, а рядом озеро.

Лизавета, первая красавица курса, обладательница изумительной фигуры и денежного папы, устраивала для одноклассников клубную вечеринку в «Троллейбусе». Клуб считался не то чтобы элитным, но выше среднего, что давало надежду на приятное перспективное знакомство. В том, что познакомиться не составит труда, Вера не сомневалась, для этого было вполне достаточно помелькать ногами в освещенных местах: дискотечная темнота превращала Верочку в обычную, трудноразличимую дылду, а вот возможность посидеть где-нибудь в холле или у бара увеличивала ее шансы на порядок. Вопреки расхожему мнению, что высокой девушке достаточно сложно общаться с обмельчавшим в последнее время сильным полом, к Вере подкатывались не только крупные экземпляры, но и те, чей рост не дотягивал до метра семидесяти. В наше время, при тотальном дефиците женихов, у мужской части населения остается все меньше комплексов, в то время как у женщин они растут и раздуваются до размеров аэростата. Вере повезло. Руслана вовремя сориентировала девушку, что только благодаря своему баскетбольному росту она имеет такие выдающиеся ноги, более того, она научила Веру считать себя выдающейся индивидуальностью среди низкорослых сограждан и намекнула, что с таким ростом ей прямая дорога на подиум. Но если в шестнадцать лет карьера модели казалась Вере привлекательной, то в восемнадцать девушка уже гордилась тем, что, имея все шансы стать Клаудией Шиффер, она сделала выбор в пользу высшего образования, не окунаясь в дебри манящей, но опасной сферы шоу-бизнеса. И этот вывод был сделан не без помощи тактичной, но настойчивой Руси.

Раньше Руслана жила в соседней с Верочкой квартире, помогая Ярославе Аркадьевне с воспитанием дочери. Мама, в ту пору работавшая в поте лица, с радостью принимала помощь вежливой школьницы, сначала забиравшей Веру из садика, потом провожавшей в школу. Вместо продленки Верочка имела возможность возвращаться домой, под бдительный контроль Русланиной бабушки. С годами девушки стали воспринимать друг друга как близкие родственницы, а вышедшая замуж Руся продолжала ощущать ответственность за подростковую Верочку, осторожно и ненавязчиво объясняя элементарные вещи, которые элементарными для большинства Вериных ровесниц становились лишь после ряда ошибок, на которых, как известно, учатся. В свою очередь девушка обожала старшую подругу, искренне считая ее истиной в последней инстанции.

До клуба, в котором намечалась встреча, надо было ехать на метро. Встретившись у турникетов с Аллой Муськиной, маленькой и удивительно тупой толстушкой, по недоразумению попавшей на филфак, Вера по-журавлиному пошагала к эскалатору.

– Слышь, Верк, – где-то на уровне талии вздыхала Аллочка, блестя густо намазанными серебром веками и картинно барабани по стертой резине расписным маникюром, – на фи́га ты каблук надеваешь? К тебе же ни один мужик не подойдет, и лица не видно снизу. Во всяком случае, я только прыщ на подбородке разглядела.

Алла умела какой-нибудь незатейливой фразочкой безвозвратно испортить настроение.

– Что, видно? – тут же сникла Вера, битый час замазывавшая вылезший на подбородке дефект и до последнего мгновения считавшая, что маскировка удалась. Замечание про каблукки она проигнорировала, прекрасно понимая, что, во-первых, каблук только украшал и без того красивые ножки, а, во-вторых, она знала об Аллочкином комплексе: девушка безумно переживала из-за своей низкорослости, всем и каждому сообщая, что Дюймовочки нынче в моде. Все бы ничего, если бы эта Дюймовочка не весила, как здоровый мужик. Поэтому, несмотря на откровенные заявления, Аллу жалели, как издавна жалели сирых и убогих.

– А то, – тут же радостно подтвердила сокурсница. – Первое, что в глаза бросается.

Но Вера, натренированная многолетней борьбой за хорошее настроение в условиях проживания с мамой, быстро оправилась от удара и, постаравшись выкинуть из памяти Аллочкино замечание, начала осторожно оглядываться по сторонам.

– Не зыркай, – тут же подала голос подруга. – Олигофрены в метро не ездят.

– Ты имеешь в виду олигархов? – хихикнула Вера.

– Ой, да какая разница, дело не в названии! Для меня мужик, у которого нет денег на приличное кафе, неинтересен! Что с ним делать?

– Книжки читать, – подколола ее Вера.

– Сберегательные? – радостно заговорила Муськина, потряхивая массивными золотыми серьгами, оттягивавшими ее ушки, как у жены вождя какого-нибудь африканского племени.

– Нет, умные.

– Извилины сотрутся, если все время умные книжки читать. Я их лучше на старость поберегу, чтобы раньше времени в маразм не впасть. – Аллочка надула пузырь из жвачки, который под натиском подземного сквозняка немедленно наклеился на ее макияж.

Вера с состраданием покосилась на сокурсницу, но та, абсолютно не расстроившись, принялась с энтузиазмом облизываться и скрести по губам мелкими зубками.

– Читайте знаки судьбы! – пояснила она покрасневшей Верочке, чувствовавшей себя няней, вышедшей в город с дебильным ребенком. – Я вот полдня думала, какую помаду намазать: фиолетовую или розовую. Выбрала розовую, а вот видишь, как получилось! Теперь стало ясно, что надо было фиолетовой краситься.

Муськина выглядела чрезвычайно довольной. Дочистив физиономию, она начала пудриться и едва не навернулась с эскалатора. Если бы не Вера, вовремя подхватившая зазевавшуюся подругу, то сейчас внизу образовалась бы небольшая свалка. Взросленная любвеобильными родителями словно оранжерейный цветок, Алла привыкла к тому, что все ее выходки прощаются. В школе она всегда была лучше и моднее всех одета, на дни рождения дарила всегда самые дорогие подарки, поэтому девочки старались с ней дружить. Учителя, регулярно задабриваемые родительскими подношениями, тоже не особо цеплялись к недалекой школьнице, выводя в журнале с трудом натянутые тройки. Выход во взрослую жизнь оказался для девушки потрясением. Она больше не была самой-самой. Единственное, что ее спасало, это жалость и снисходительное отношение одноклассниц, в противном случае Аллочка могла бы стать изгоем, и тут уж родители при всем желании не сумели бы ей помочь. Все милости судьбы она продолжала воспринимать как должное. Единственный комплекс – полная коротконогая фигура – не мешал ей чувствовать себя центром вселенной, хотя реакция окружающих не только не подтверждала ее самооценку, но и норовила грубо опровергнуть. Будь Муськина умнее, она бы уже давно свернула калачиком в жестком панцире депрессии, кляня судьбу и сочиняя надрывающие душу стихи, но ее ограниченность стала своеобразным щитом, от которого легко отскакивали колкости и насмешки. Верочка уже привыкла к Аллиным особенностям, хотя иногда ловила себя на мысли, что возвращаться домой после лекций в одиночестве намного спокойнее, поскольку Алла постоянно ставила ее в глупое положение. Вот и сейчас однокурсница во что бы то ни стало желала завершить начатую на эскалаторе философскую

сентенцию по поводу финансово несостоятельных мужчин, без всякого стеснения разглядывая пассажиров в поисках наглядного примера.

– Во! – С победным воплем она ткнула ярким ногтем в сторону мужичка, сутулившегося у дверей. Тощими коленями он зажимал «дипломат», сложив ноги в подобие буквы «икс», а в руках с трудом удерживал огромное полотнище черно-белой газеты, растянув его как прачка простыню. На кончике унылого хрящеватого носа висели очки, а острые плечи прикрывала куртка гнусно-болотного цвета. Рыцарь печального образа, не подозревавший, что избран объектом дамского обсуждения, сурово гримасничал, видимо, мысленно вступив в полемику с автором статьи.

Народ в вагоне оживился в предвкушении скандала.

– Глянь! – веселилась Муськина. – Вот, пожалуйста, по очкам видно, что умный! А кому он нужен со своим комком извилин? Это же не мужик, а набор костей для новогоднего студня! Ты посмотри, как он стоит! Да на нем же написано: «Извините, что такой уродился!» От него за версту несет хроническим отсутствием денег. Даже если такое решит жениться, то оно по определению не сможет осчастливить свою избранницу, так как нечем! А вот жизнь испортить – запросто!

– Алка, – прошипела Вера, – ори потише, а то он услышит!

Но было поздно. Всеобщее внимание сконцентрировалось в воздухе прямо над куцей кепочкой «неплатежеспособного» пассажира. Мужчина напрягся, воровато стрельнул взглядом из-под газеты и тут же изумленно округлил маленькие глазки, под стеклами очков ставшие похожими на жетоны метро: люди разглядывали его с откровенным интересом, словно перед ними стоял не младший научный сотрудник одного из городских НИИ, а обезьянка в блестящей юбочке, от которой все ждали какого-нибудь фокуса. Приземистая барышня с обильным макияжем, перекрывая вой электрички, что-то вещала, обличительно указывая на него.

– А ведь при тотальном дефиците мужчин кто-то вынужден будет соглашаться на то, что есть. Разве это справедливо? Почему нормальная женщина должна брать лежалый товар? Если ты не обладаешь внешностью фотомодели, то это вовсе не значит, что и твоя судьба должна выглядеть как яблочный огрызок! – продолжила Аллочка в гробовой тишине, не обращая внимания на то, что поезд остановился и теперь ее умные мысли разносятся по всему вагону.

Вера внутренне сжалась: в лучшем случае мужик устроит скандал, как это часто бывало, а в худшем – полезет драться.

Но им повезло. Дядька оказался неконфликтным. Более того, подавленный всеобщим вниманием к его персоне и непонятым выступлением неизвестной девицы, он трусливо выскользнул на перрон.

– Вот, полюбуемся! Финансовая несостоятельность делает человека ущербным во всем: он даже не может постоять за себя! – подвела итог Муськина, сурово проводив взглядом стремительно удаляющуюся жертву.

– А что, лучше было бы, если бы он тебе накостылял, защищая свои честь и достоинство? – желчно поинтересовалась Вера.

– Лучше. Это было бы по крайней мере по-мужски!

– Хочешь, я тебе врежу? – душевно спросила Верочка, пережившая стресс, требовавший немедленно освободить организм от адреналина. – Тебя мама с папой не учили, что говорить людям гадости нехорошо?

– Так я же не ему, а тебе сказала! – Муськина удивленно хлопнула тяжелыми ресницами. – А если он подслушивает чужие разговоры, то это его проблемы.

Пререкался с Аллой смысла не имело. Ее видение ситуации как всегда ошарашивало собеседника, лишая аргументов.

Девушки пришли последними, поскольку по дороге Муськина вспомнила, что так и не накрасила губы, пришлось искать сначала освещенное место, потом выяснилось, что краситься на морозе невозможно, и Аллочка предложила едва не взывшей от злости Вере вернуться в метро. Пойдя на компромисс, Вера согласилась зайти в ближайшее парадное, но в первом они спугнули писающего мальчика лет сорока, а в следующем их самих до заикания напугала огромная собака неизвестной породы, за которой волокся на поводке ребенок, издав издав заоравший, что собака кусачая, гладить нельзя. В подтверждение его слов раззявившее пасть чудовище, летевшее по ступеням и размахивавшее ушами как летучая мышь, разразилось оглушительным лаем.

– А что, в клубе ты накраситься не сможешь? – едва переведя дух после вынужденной пробежки и изнывая от рвущегося наружу бешенства, поинтересовалась Вера.

– В жизни каждой женщине дается только один шанс, и его нельзя упустить! – наставительно поведала Муськина, сосредоточенно отдирая шарф от прикусившей его «молнии». – А вдруг моя судьба не внутри клуба, а на улице?!

– Бомж? – мстительно съехидничала Верочка.

– Нет. Вот вылезает он из-за руля черного джипа, одергивает дорожную дубленку из последней коллекции, достает супернавороченный мобильник, а тут я с ненакрашенными губами! И все! Мы пройдем мимо друг друга и будем отныне обречены на вечное одиночество.

Если бы Вера лично не выслушивала периодически подобные монологи, то она ни за что на свете не поверила бы, что подобную чушь может озвучивать двадцатилетняя студентка одного из самых престижных вузов страны, но факт оставался фактом: обожавшая любовные романы Муськина свято верила в то, что это документальные описания реальных событий. Единственное, с чем была согласна Верочка, – у каждой женщины есть шанс стать женой олигарха, просто промышленных магнатов и нефтяных королей на всех не хватает.

– Чтобы хватило, надо занимать очередь заранее и искать блат. Мужчина, как и любой дефицитный товар, приобретается по той же схеме. Сначала долго ходишь, ищешь, выбираешь, а потом пытаешься заполучить. Чтобы не прогадать, надо лишь внимательно ознакомиться с инструкцией и проверить наличие гарантии, – сказала как-то Руслана, и Верочка приняла эту аксиому на вооружение.

Но Муськина довела идею до абсурда, хотя спорить с ней было неохота, поэтому Вера терпеливо ждала, пока сокурсница подготовит фейс для встречи с судьбой. Декабрьский мороз колючими потоками ледяного ветра бил по лицу и ползал по ногам, примораживая тонкие колготки к задубевшей коже.

– Все, – провозгласила наконец Аллочка, и девушки понеслись к клубу. Они бежали паровозиком, пыхтя и выдыхая клубы пара.

Машин на стоянке было много, но все принцы уже спрятались в теплом помещении. Подколоть Муськину по поводу несостоявшейся судьбоносной встречи Верочка не успела, поскольку Алла на бегу мечтательно протянула, лязгая зубами:

– А джипов-то сколько!

Поперхнувшись собственной издевкой, Вера пронеслась сквозь гостеприимно разъехавшиеся двери клуба.

– Где вы болтаетесь? – возмущенно завопила Лиза. – Все уже давно развлекаются, а я тут торчу! Всё, мои все пришли.

Последняя фраза была адресована охранникам.

– Давай раздевайся до трусов и в бар! – Лизавета шлепнула Муськину по пышному задку и куда-то убежала.

– Почему до трусов? – посерела не уловившая шутку Аллочка.

– пляжная вечеринка! – мстительно обронила Вера. – А ты разве не знала? В одежде нельзя, и каждый вновь прибывший должен показать стриптиз. Ты под какую музыку номер готовила?

Шутить с Аллой было сложно, если не сказать – невозможно. Тряся нижней губой и блестя вмиг повлажневшими глазами, она прошептала:

– Катастрофа! А у меня прыщи на спине! Все пропало!

Верочке тут же стало стыдно, словно она дала неразумному ребенку пустой фантик вместо конфеты:

– Пошутила я, расслабься. Просто раздевайся.

– Совсем? – Муськина никак не могла прийти в себя и перестроиться.

– Алла! – рывкнула Верочка. – Собери мозги в кучу, а то ты своими идиотскими вопросами всех женихов распугаешь!

– Нам пугливые не нужны! Материально самодостаточный мужчина не пасует ни в какой ситуации...

– Тебя заклинило на деньгах? Переключи кнопку: во-первых, они не любят, когда охотятся на кошельки, а, во-вторых, материальный достаток может компенсироваться всякими физическими дефектами!

– Безногий, что ли?

– Уф... Помнишь, ты мне про Шурика рассказывала?

– Про Шурика? – удивленно переспросила любвеобильная Муськина, у которой кавалеры сменяли один другого, как цифры на кварцевых часах.

– Про того, которого тебе мама подсунула!

– А-а, – тут же сморщилась Алла, выражая крайнюю степень презрения к вышеупомянутому юноше. – Ты про потентов?

– Почти, – расхохоталась Вера. – Про них. Иногда из-за усиленного зарабатывания денег у мужиков резко портится здоровье!

– Ничего, я любовника заведу, – заговорщицки подмигнула Муськина. – Мама сказала, что когда они с папой выйдут на пенсию, то уже не смогут брать взятки, и наше благосостояние резко упадет. Поэтому я должна найти хорошую партию.

– Ты вот что, – пробормотала Вера, – не надо всем сообщать, о чем вы там дома треплетесь, а то нарвешься на неприятности.

– Так я ж только тебе!

– Ну, люди разные бывают! Не надо всем подряд доверять! Знаешь, какие подлецы иногда встречаются!

– А ты?

– Я – отдельный разговор. Я сама чистота и непорочность. Ты, кстати, если мужики чего-то обещают, – не верь. Они с нами, как лиса с Колобком: ам – и одни косточки!

Ранимая Муськина немедленно надула губы:

– Чего обзываешься? Почему это я сразу «колобок»? И вообще я их всегда сначала маме показываю.

Последний комментарий проливал свет на тенденцию Муськиных кавалеров пропадать с горизонта уже на первом этапе знакомства.

– Алла, я сказала «мы»! Колобок – это аллегория! И вообще давай уже раздевайся, и пошли плясать.

Танцевать Муськина любила. В школе мама отдала ее на бальные танцы, и пара движений из ча-ча-ча намертво приклеились к Аллочке, возмнившей, что ритмичное переступание ножками и размахивание пятой точкой в ее исполнении выглядит эротично.

Энергично топоча, она ринулась на дискотеку «зажигать», а вздохнувшая с облегчением Вера произвела рекогносцировку местности. Ничего достойного ее внимания обнару-

жено не было, поэтому, тщательно оглядев себя в огромном зеркале, девушка двинулась искать боулинг.

Следом за ней по лестнице начал подниматься лысоватый парень, замедливший шаг и вдохновенно разглядывающий Верины ноги. Одет он был по-спортивному, а посмотреть бирки на одежде, чтобы оценить перспективность, не представлялось возможным. Правда, Руслана сказала, что найти подходящего кавалера в ночном клубе – шансов мало. Подходящие тосковали в офисах и на переговорах, а потом норовили отсыпаться дома вопреки расхожему мнению о разгульном образе жизни «новых русских». Но для начала сгодился бы и сын какого-нибудь усопшего на ниве бизнеса финансового воротилы, а их здесь – этих самых сыновей – наверняка было пруд пруди. Во всяком случае, Верочке так казалось.

Лысоватый поравнялся с затормозившей Верочкой. Роста они оказались одинакового, поэтому парень, скользнув по барышне обстоятельным взглядом и удовлетворенно кивнув, сообщил:

– Арсений. Люблю высоких, но не люблю тех, кто выше меня.

Видимо, это была шутка, поскольку в заключение выступления он довольно хохотнул, призывая Веру оценить остроумие.

То ли он стеснялся, то ли отморозил чувство юмора на подходах к клубу, но начало беседы Веру не впечатлило. Она решила промолчать, лишь вежливо улыбнувшись в ответ.

Приободренный Арсений почесал макушку и тоже оскалился:

– Выпить хочешь?

Зубы у него были ровные, как в рекламе. Либо парень родился и вырос в экологически чистой местности, до которой не доезжали всяческие вредные продукты наподобие конфет и шоколада, либо посещал дорогого стоматолога. И то и другое в принципе Веру устраивало, хотя первый вариант импонировал больше.

Она отрицательно качнула головой и снова улыбнулась.

– Да ты не робей, я не наглый! – утешил ее Арсений, и тут же добавил: – Ноги у тебя – зашибись! Ты в курсе?

Верочка, безусловно, была в курсе. И хотя комплимент ей понравился, она начала расстраиваться – парень казался слишком примитивным.

– Ну, здравствуйте! Уже сняла кого-то! – на них стремительно надвигалась сопящая Муськина. – А я ее ищу, ищу!

– Ты съемная? – насторожился кавалер. – В смысле, платная?

– В нашей жизни бесплатным бывает только сыр в мышеловке! – просветила его Аллочка. – Только сунешь туда что-нибудь, а тебе – хрясь по...

– Алла! – торопливо перебила ее Верочка. – А как там дискотека?

– Да жарко! Я прям все мокрая, вон, потрогай: пять минут поскакала, и уже по спине течет! – Муськина кокетливо помахала на себя ладошками и мотнула головой в сторону сосредоточившегося Арсения: – А он кто?

– А вы кто? – неожиданно с обидой спросил парень.

– Мы студентки, – торопливо пояснила Верочка, втайне надеясь, что Муськина догадается помолчать.

– Подрабатываете?

– Нет, просто отдохнуть пришли, – застенчиво покраснела Вера, надеясь, что инцидент исчерпан.

– Совмещаем приятное с полезным, – гикнула Алла и заколыхалась в приступе веселья.

Подавив желание спихнуть словоохотливую подружку с лестницы, Вера выпалила:

– Пойдем выпьем!

– Нет, я так не могу: ты сначала скажи – вы просто тусуетесь или снимаетесь? – набычился Арсений.

У Верочки мелькнула мысль, что из Арсения и Аллы получилась бы неплохая пара, во всяком случае, мыслили бы они на одинаковом уровне, и никакого недопонимания у них точно не возникало бы.

– Да расслабься, мы потанцевать пришли. Знаешь, как в универе учиться тяжело, к концу недели башка как сломанный телевизор, у которого громкость не регулируется! – Муськина игриво вильнула бедром. – Вот мы и оттягиваемся!

Выражение лица Арсения сменилось с обиженного на уважительно-подобострастное:

– Тогда за это надо выпить!

– Точно! Золотые слова! Пошли! – и наглая Муськина поволокла склонившегося над ней парня в бар.

Вера осталась на лестнице, размышляя: хорошо, что Алла взяла туповатого парня на себя, или стоило придержать его до лучших времен, поскольку, кроме таких уравновешенных экземпляров, одинокой девушке мог повстречаться и какой-нибудь невоспитанный психопат, считающий, что раз уж он заявился в ночной клуб, то культурная программа должна быть выполнена и перевыполнена. Слова «нет» для таких индивидуумов не существовало.

– Мадам, о чем печалимся? – Блондин с внешностью похмельной снегурочки старательно пытался сфокусировать взгляд на Вере и одновременно удержать тело в вертикальном положении.

Вера развернулась, чтобы уйти, но красавчик уцепился за ее локоть и попытался облобызывать свитер, издавая нечленораздельное урчание, словно планировал после поцелуев перейти непосредственно к поеданию девичьей одежды.

Вера привыкла к излишнему мужскому вниманию, поэтому не испугалась, хотя приятного было мало. Ее ноги были не только красивыми, но и достаточно сильными, как у молодой кобылки. В связи с этим еще в выпускном классе, воспользовавшись близкой дружбой с соседом Валерой, она выучила пару приемов, позволявших не только испортить нежелательным кавалерам настроение, но и отбить боевой задор на пару недель. Едва она начала примериваться, как бы поаккуратнее известить в блондине желание немедленно и близко дружить, как по лестнице возмущенно прокатился рокочущий выкрик:

– Виталик, я тебя сейчас с лестницы спущу! Отцепись от девушки, поганец!

– Легко сказать «отцепись», – пробормотал повисший на Вере Виталик, и жалостливо добавил: – Я ж упасть могу!

Вера дернула плечом, стряхивая налипшего кавалера, словно комара, а чьи-то сильные руки довершили начатое, осторожно усадив обмякшего парня на ступени. Спасителем оказалась точная копия раскисшего Виталика, только с более гладкой физиономией и менее длинными волосами.

– Он вас не сильно обслонявил? – участливо поинтересовалась копия, то ли погладив Верин рукав, то ли проверив на степень обмусоливания.

– Надеюсь, что нет, – ровным голосом сообщила девушка. – А что, он у вас без сопровождающих гуляет?

– Да нет, что вы, он нормальный, только перебрал немного. Горе у него, девушка бросила, вот и расквасился. Было бы из-за чего!

– Много ты понимаешь! Знаешь, какая она была! – квакнул из-под ног Виталик.

– Ага, – мрачно кивнул второй блондин. – И не только я в курсе, какая она была... любвеобильная! Баб, что ли, мало? Я тебя в клуб зачем привел? Чтобы ты девку нашел какую-нибудь, а не водку трескал! Тут бабы косяками ходят, только и зыркают, кого бы подцепить? Я прав?

Не поняв, к кому относится последний вопрос, Вера на всякий случай насмешливо поддакнула:

– А то! Мы ж только об этом и думаем, больше не о чем! Сейчас я девчонок позову, в очередь к вам таким замечательным встанем!

– Ой, да ну что ты сразу ершишься! Я ж не про тебя, а вообще!

– К вашему сведению, мы на «ты» не переходили! А если мыслить глобально и «вообще», то я именно баба из тех самых, которые тут косяками ходят!

– Ты еще не баба, – утешил ее Виталик.

– Но у тебя все впереди, – дополнил его второй. – Во всяком случае, характер уже начал портиться! Осталось мясо нарастить и сморщиться!

Верочка презрительно фыркнула и побежала вниз по лестнице на дискотеку, где танцевала их группа, и где можно было чувствовать себя в относительной безопасности. Вечер начался как-то напряженно.

Глава 3

Поскакав в темноте под разноцветными всполохами светомузыки, Верочка устала и решила попытать счастья во второй раз. Выяснив, где в клубе бильярд, она отправилась «учиться играть», взяв в напарницы покинутую Арсением Муськину.

В зале было накурено и витала душноватая смесь запахов одеколона и пива.

– Я не знаю, как палку держать! – кокетливо сообщила Алла, размахивая кием как хоккейной клюшкой. Мужчины оживились и, подхихикивая, расселись на диванах вблизи колоритной парочки, похожей на странствующих Дон Кихота и Санчо Пансы.

– Я тоже. Ничего, сейчас научимся, – поддакнула Верочка и встала в позу. Желаящие пристроиться рядом, дабы обучить девушку премудростям бильярда, ажиотированно ринулись к столу. Самым резвым оказался некрупный, но симпатичный мужчина в расстегнутой у шеи рубаше и висящем как не сработавшая удавка галстуке. Рубаша была ему великовата: тонкая шея болталась в вороте как пестик в ступке, а из закатанных рукавов высывались тонкие волосатые руки.

– Аккуратно, она лягается, – подал голос Виталик, видимо принесенный и приткнутый в угол сердобольным блондином. Сам он, пребывая в состоянии крайней размягченности организма, такой дальний путь ни за что не осилил бы.

– А я нет! – тут же порадовала зрителей Муськина. На этот комментарий отреагировал только болезненно худой мужчина с глазами печального крокодила и обвисшими щеками бульдога. Такой потертый кавалер, хоть и облаченный в дорогой костюм, Аллочке был неинтересен. На вид ему можно было дать лет сорок-пятьдесят, поэтому Муськина гордо отказалась от бесплатного урока, заявив, что она любит экспериментировать и учиться на собственных ошибках.

– Я тоже люблю экспериментировать, – подал голос престарелый донжуан, попытавшись все-таки навязать Аллочке свои познания в области шарокатания. Но Муськина весьма невежливо прервала беседу, слегка ткнув его кием в мягкое брюшко и старательно строя глазки кому-то из сидящих за Вериной спиной. Но все ее попытки были тщетными, поскольку бильярдисты были парализованы открывшимся им зрелищем: Верочка наклонялась, пристраиваясь за столом, выгибала позвоночник, как сытая кошка, и кокетливо наваливалась на обучавшего ее мужчину.

– Кстати, – приладив Верочкины ручки к кию, бормотнул он. – Меня зовут Володя, а вас?

– А нас – Вера!

– А меня – Алла! – крикнула из противоположного угла Муськина и изобразила глазами нечто завлекательное.

Володя оказался генеральным директором небольшой торговой фирмы, находящимся в поиске офис-менеджера. Верочка, до сих пор совершенно не задумывавшаяся о поиске работы, посмотрев в его красивые серые глаза, внезапно поняла, что именно об этой должности и мечтала. Вот как только поступила на филфак, так сразу и начала мечтать! Глаза, плечи, голос, да еще и красавица «Ауди» – абсолютно идеальный мужчина без вредных привычек и с деньгами. У Веры захватило дух, когда Володя, усаживая ее в машину, сжал ладошку и многозначительно посмотрел, то ли обещая что-то, то ли уже давая. Но не поцеловал. Подобная тактичность совершенно добила растаявшую Веру. Она едва не потеряла сознание от избытка чувств и опустила ресницы, мучительно соображая, стоит ли все-таки поощрить его к активным действиям или потерпеть. Интеллигентно чавкнувшая дверь с водительской стороны и оборвавшийся поток холодного воздуха, сменившийся слабым запахом туалетной воды, заставили ее повернуться. Его лицо было так близко, что Верочка задохнулась от избытка чувств и предвку-

шения поцелуя, но барабанная дробь, выбитая на стекле, вырвала разволновавшуюся пару из волшебного водоворота чувств, небрежно швырнув обратно на землю. По ту сторону двери на окно налипла Муськина, смешно сплющив нос и внимательно вглядываясь в темноту салона:

– Эй, ку-ку! А мне с вами по пути!

– Что это? – вздрогнул Владимир, напоровшись взглядом на Муськинский пяточок.

– Ужас, летящий на крыльях ночи, – вздохнула Верочка.

– Твоя подруга?

– Вроде того: мы живем на одной станции метро, поэтому вместе ездим. Общаемся... как бы. Она хорошая, только со странностями.

Вера тоскливо разглядывала сквозь стекло плавающий силуэт Муськиной: бросать дурищу было жалко, а запускать в машину – чревато последствиями. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты... Не хотелось, чтобы Вова сделал неправильные выводы.

Тем временем Муськина, устав скрести полировку и дергать неподдающиеся ручки, начала легонько толкать машину, видимо, надеясь разбудить хозяина.

– Если она хочет дотолкать нас до дома, то надо зайти сзади, а не наваливаться на крыло, – бормотнул Володя и разблокировал двери.

Верочка торопливо открыла дверь со своей стороны. Муськина дернулась в сторону, то ли опасаясь, что ее этой дверью зашибут, то ли не желая быть испачканной. Маневр удался на половину. Ее не испачкали и не ударили, зато Аллочка умудрилась весьма неловко присесть на сугроб, весьма некстати подвернувшийся под ноги.

– Пусть отряхнется, – взволновался хозяин. Извалившаяся в снег девица могла испортить сиденья своим мокрым задом. Кроме того, у незваной пассажирки нехорошо бегали глаза, и сажать ее сзади, всю дорогу ощущая за спиной опасное присутствие маловменяемой дамы, не хотелось.

– Ой, какое мещанство, – тут же подала голос Муськина. – Вещизм не украшает мужчину. Верк, ты, кстати, особо-то губу не раскатывай. Вот из таких ухажеров и получаются скупые и злобные мужья.

Сказано это было таким тоном, словно Муськина уже сама пару раз сходила замуж именно за такого подлеца, пытавшегося на ней сэкономить.

Вера попыталась сгладить неловкость, прибавив громкость. Приемник покорно взвыл на весь салон:

– Хлопай ресницами и взлетай...

– Прикинь, какие должны быть ресницы! – гаркнула перевесившаяся вперед Муськина, перекрывшая радостным хохотом мощный хит «Братьев Гримм». – Это ж комплект к бровям Брежнева! Давай что-нибудь другое, интеллектуальное!

Она втиснулась между сиденьями и попыталась переключить станцию.

Пошевелив в воздухе маникюром, она плаксиво прогундосила:

– Вера, ну найди что-нибудь приличное...

– ...и уменьши громкость, – добавил Володя. В его голосе сквозило отчетливое недовольство.

Вера послушно выполнила оба указания и, заметив, что Муськина снова набирает воздух, чтобы выступить, зашебетала, поглаживая водителя по плечу.

– И как ты так легко водишь? Просто потрясюще. Я бы, наверное, не смогла.

– Вер, – пискнула Муськина, но Вера в ужасе перебила ее, в надежде заглушить новое выступление лезшей на передний план подруги:

– А ты давно водишь?

– Давно, – самодовольно подтвердил Вова.

– Трудно?

– Нет, конечно.

– Вер... – опять зашептала Муськина.

– Володя, а я на права сдавала, да так и не сдала! Представляешь? Три раза сдавала. Мне так страшно, как будто я не на дорогу выезжаю, а в космос лечу.

– Ага, летишь, летишь, а тебя сбоку какой-нибудь метеорит – бац! И ракета вдребезги! – прорвалась в эфир Муськина и без перехода добавила: – Вера, слушай, я застряла!

Володя раздул ноздри и задержал щекой.

– Надо сиденье отломать, – завозилась Алла, пыхтя и повизгивая.

– Что?! – Машина вильнула, а водитель, побелев от бешенства, повернулся к Вере.

– Ой, пардон, я забыла, какой у нас рачительный хозяин за рулем. За копейку удавится. Ничего, что я тут по коврику ногами шаркаю, покрытие повреждаю? – съехидничала Муськина. – Ну, не отломать, а отвинтить.

Судя по выражению лица Володи, он был готов отвинтить, но не кресло, а муськинскую голову.

– Алка, попробуй отползти назад, – умоляюще предложила Верочка.

Сиденья зашатались, словно их таранил слон.

– Никак, я сейчас описаюсь от натуги. Понакупают «Запорожцев», в которых нормальному человеку не развернуться! – оправдывалась Муськина, старательно перекладывая вину за инцидент на окружающих.

Писающаяся девушка в планы Володи на вечер не входила. Она вообще основательно подпортила налет романтизма, легким туманом окутавший их с Верой знакомство. Ему нравилась в отношениях с девушками некая киношность, неприменимая в обычной семейной жизни, утонуть в трясине которой было никогда не поздно. Но наглая девица делала романтику похожей на фарс.

– Если она не вылезет сама, я оставлю ее тут на ночь, – индифферентно сообщил Володя, не глядя ни на Веру, ни на ее барахтавшуюся подружку.

– Я ж замерзну! – возмутилась Алла.

– Сожалею.

– Вер, с кем ты связалась? Это же маньяк! Сначала он защемляет женщин в своей машине, а потом замораживает их, как треску!

– Верочка, возьми там в бардачке скотч, надо залепить рот барышне, – ни один мускул не дрогнул на его лице. И хотя Вера понимала, что он шутит, но холодок по спине пробежал: уж больно бесстрастным было Володино лицо.

– Верка, опомнись, ты же о нем ничего не знаешь! – захныкала плененная Муськина.

– Алла, я сейчас сама тебя прибью! Ну что ты вечно во что-то вляпываешься? – разозлилась Верочка.

– Я-а-а? – задыхнулась от возмущения Муськина. – Да не могла же я оставить тебя наедине неизвестно с кем!

– Вообще-то я вполне дееспособная и могу отвечать за себя. – Веру поразили мотив, на основании которого сокурсница так самозабвенно портила ей вечер.

– Оставьте свой героизм при себе, мадам...

– Я не мадам, я мадемуазель! – гордо вскинулась Аллочка.

– Неважно. Ваш прыжок на амбразуру в данном случае неуместен! – хмыкнул Володя. – Ваша подруга не нуждается в опеке.

– Как это неважно? Я никогда не состояла в браке, поскольку презираю вас как класс! – Муськина как обычно уловила только часть из всего вышесказанного, и, обидевшись на введение, все остальное уже прослушала, формулируя достойный ответ.

– Володя, тормози, вон мой дом, – обреченно сказала Верочка, понимая, что после столь бурного вечера кавалер вряд ли пожелает продолжить знакомство. Но как спасти ситуацию, она не знала.

– Алле, а как же я? – взвизгнула Муськина так, что у Веры заложило уши и в голове завис тоненький противный звон. – Мне не здесь выходить!

– А вы, мадемуазель, поедете со мной, – сообщил Володя. – Покатаемся по ночному городу.

Верочка совершенно не понимала, как себя вести: надо ли пытаться устраивать тут возню и выпарапывать глупую Муськину из салона или оставить дуришу учиться на ошибках. Но Володю она действительно не знала, поэтому оставлять одноклассницу неизвестно с кем было неудобно.

Муськина задержалась с удвоенным энтузиазмом. Вера покраснела, вспоминая все известные ей непечатные эпитеты и мысленно обвешивая ими Аллочку, как новогоднюю елку игрушками. У Володи был очень красивый профиль и завораживающий голос. Уходить от него не хотелось. Но похоже, что вечер закончился, а телефона он у нее так и не попросил. Хотелось плакать. А еще хотелось от всей души врезать Муськиной, вклинившейся между ними и старательно сопевшей, трепыхаясь, как рыба на крючке.

– Раздеться сможешь? – раздраженно спросил Володя, сосредоточенно глядя на руль. Судя по всему, вопрос относился к Аллочке, но в настоящий момент Вера не была уверена, что спрашивали не ее.

– Не буду, – голосом советской разведчицы, пойманной фашистами с рацией в центре Берлина, провещала Муськина. – Я так не дамся!

– Да кто б за тебя брался! – в сердцах гаркнул Володя. – Не дастся она! Попробуй вылезти из куртки, а мы ее выдернем, может, хоть тогда получится с тобой распрощаться!

– Это невежливо, – невпопад обиделась Алла. – Женщина должна прощаться первой.

– То есть ты еще не готова нас покинуть? – изумился Вова. – Надо же, так понравилось?

Проскользнувшее словечко «нас» захлестнуло Верочку надеждой, перехватив ей дыхание и едва не выжав слезу: оказывается, еще не все потеряно, и кавалер планирует хоть какой-то кусочек совместного будущего. Возможно, этого кусочка хватит на то, чтобы оставить о себе память в виде телефона...

– Давай вылезай из рукавов. – Вера развернула небывалую активность и едва не сломала однокласснице руку, старательно вытряхивая ее из верхней одежды.

– Осторожно, куртка дорогая, – насупилась Муськина.

– Снявши голову, по волосам не плачут, – утешил ее Вова.

– О чем это он? – напряглась Аллочка, вцепившись в сиденья.

– Просто молчи, – взмолилась Вера.

Через двадцать минут взмокшая от усилий, но счастливая троица выбралась из машины.

– Чувствую себя так, словно разделил сиамских близнецов, – пожаловался Володя. – Алла, я могу надеяться, что вы наконец-то нас покидаете?

– Это на что вы намекаете? Что я сейчас пешком по темноте домой пойду? А если на меня кто-нибудь нападет?

– Ему можно будет только посочувствовать. – Вовино благодушное настроение начало утекать, как теплый воздух в щель.

– Он еще и хам, – пожаловалась Муськина в пространство.

Надеяться на какие-то позитивные подвижки в присутствии Аллы было глупо. Она действовала на Вову, как красная тряпка на быка. Верочка стояла перед сложным выбором: потерять навсегда мужчину, который будил какие-то неясные, но приятные волнения в нервных окончаниях, вызывая эмоциональное томление в солнечном сплетении и мещанские мысли о тихом семейном счастье, или поссориться с наивной до полной невменяемости Муськиной, старательно творившей добро в отдельно взятой судьбе попавшейся под руку одноклассницы. Видимо, Муськина чувствовала себя доброй феей, оберегавшей Верочку от постороннего злого умысла. Но, поскольку все мы занимаем разные позиции в хитросплетениях линий жизни, то и

точки зрения, согласно законам физики, у нас разные: если с высокой горы открывается обзор аж до линии горизонта, то из болота можно увидеть разве что верхушки ближайших деревьев да чахлые нити клюквы, извивающиеся на влажном мхе. Каждому мнится, что на вершине именно он, тогда как все остальные в лучшем случае топчутся у подножия его жизненной мудрости и широкого кругозора. Вот и сейчас Муськина парила гордым соколом, норовя открыть глаза пребывавшей в информационном вакууме Верочке, а заодно лишний раз тюкнуть клювом распутившего хвост и задумавшего явно что-то недоброе мужика. Согласно ее теории о подсказках судьбы все складывалось наилучшим образом: сама фортуна помогла Аллочке перехватить Веру, балансировавшую на перепутье и готовую поверить первому встречному типу со смазливой личиком. Муськина была глупой, но доброй девушкой. Эта доброта веселым чертиком скакала в глубине ее души, периодически выскакивая в пространство и распугивая окружающих. Алла очень любила маму. Мама была мудрой и много чего понимающей. Ее разговоры с подругами, с удовольствием подслушиваемые набравшейся ума-разума дочерью, обогащали Аллочкины знания о взрослой жизни. Дочь интерпретировала все услышанное на свой лад, переосмысляя и аккумулируя информацию с точки зрения современной девушки, так как мама, хотя и была безусловно умной, но принадлежала к другому поколению, выросшему в эпоху отсутствия компьютеров и мобильных телефонов. Адаптированные к реалиям двадцать первого века мысли и наблюдения трансформировались в нечто невообразимое и густым конденсатом оседали в Аллочкином сознании, формируя грозные тучи многовекового женского опыта, готовые пролиться на первую встречную жертву.

В данном случае не повезло именно Верочке. Муськина, в первый же день знакомства с Верой потрясенная ее восхитительными ногами и тонкой талией, которых Аллочке не хватало для полного счастья, решила взять симпатичную девушку под крыло. Следуя маминому опыту, она хорошо знала, что внешние данные должны быть прямо пропорциональны внутреннему содержанию. И такие ноги, как у Веры Новиковой, выдавали с головой абсолютную недалекость хозяйки, поскольку все «ушло в ботву». Это было любимое папино выражение применительно к современной молодежи. Алле было жалко, что все это добро может попасть в недостойные руки, поэтому она твердо решила взять над длинноногой красоткой шефство. К ее удивлению, училась Верочка хорошо, что лишний раз доказывало правильность выбора – хорошему человеку помогать приятно и легко. Следуя логике равновесия в каждом индивидууме позитивного и негативного начала, Верочка должна была оказаться совершенным младенцем в житейских вопросах, так как привлекательная внешность компенсировалась обычно каким-то глобальным недостатком. Эта гипотеза тоже подтвердилась, так как все Верины кавалеры, обвешанные ярко выраженными дефектами, вызывали у Муськиной резкое неприятие и подтверждали Верочкину неразборчивость.

Алла действовала как слон в посудной лавке: она ломилась сквозь все кордоны, преодолевая Верочкино сопротивление, и сеяла добро, разбрасывая его как булыжники из пращи. Для достижения цели все средства были хороши, поэтому жертвы и разрушения она считала производственной необходимостью.

У нового знакомого опекаемой был скользкий взгляд и мерзкий характер. Муськина жалела, что ее так быстро освободили, поскольку надеялась, что после ухода Верочки можно будет вытянуть из Владимира все подробности, а потом дать понять, что не на тех нарвался. Алла не умела продумывать свои действия на пару шагов вперед и спокойно функционировала, живя лишь настоящим моментом. Все последствия, даже самые неожиданные, она потом уверенно трактовала как позитивные и лишний раз подтверждающие правильность избранного направления. Даже попытка одного из последних Верочкиных кавалеров, совершенно неинтеллигентного и невоспитанного областного бизнесмена, приехавшего в Северную столицу, как он выражался, «потоптать городских», слегка отмутузить юную разведчицу, беспардонно сунувшую нос в его паспорт и обнаружившую там штамп о браке, не остановила Аллочку в

ее «благих» начинаниях. В результате Вера, узнавшая, что кавалер давно и безнадежно женат, потеряла к бизнесмену интерес, а Алла впала в эйфорию, ощущая себя спасительницей.

Володя ничего этого не знал, поэтому отнесся к Муськиной весьма легкомысленно, не подозревая, что отделаться от упрямой девицы не так-то просто.

– Давай отвезем Аллу домой, – взмолилась Вера. Ей не хотелось ассоциироваться у нового знакомого с ворохом проблем и отрицательных эмоций. Единственное, что могло спасти ситуацию, – пылкое, романтическое прощание, но в присутствии Аллы оно могло стать страшнее последнего дня Помпеи. Перевшая к цели Муськина оставляла за собою выжженную пустошь.

– Боюсь, что, если ее еще раз запустить в салон, она опять застрянет. У меня такое чувство, что твоя подруга не желает со мной расставаться, – усмехнулся Вова. Его единственной целью было вывести Аллу из себя, чтобы обидевшаяся девица удалилась наконец восвояси. Но женская логика непредсказуема, а женский героизм – не чета мужскому. Муськина была готова ради подруги на любые жертвы.

Кокетливо потупившись, она заблестела густо посеребрёнными веками и томно прогундосила:

– Это так бросается в глаза?

Вера с Володей растерянно переглянулись.

– Алла, хм... – На этом у Веры закончились мысли, слова и аргументы.

Володя пришел в себя значительно быстрее: либо у него был достаточно богатый опыт борьбы с навязчивыми барышнями, либо желание остаться вдвоем с Верочкой оказалось сильным стимулом для решительных действий, но он вдруг резко метнулся на проспект, едва не попав под колеса грязно-оранжевого такси. Быстро переговорив о чем-то с водителем, он весело крикнул:

– Алла, садитесь! Вас довезут и даже проводят!

– Еще чего! – возмутилась Муськина. – А потом меня найдут где-нибудь в канаве!

– Если не напьемся по дороге, то не найдут! – довольно злобно прокомментировал Володя.

– Давай, иди. – Вера начала аккуратно подталкивать подругу к кабриолету, с трудом сдерживаясь, чтобы не пихнуть ее или не пнуть.

– Не поеду, – уперлась стойкая Муськина.

Спас положение водитель, услуги которого Володя оплатил более чем щедро. Не желая терять легкий заработок, он включил на полную мощность свое обаяние и выкарабкался из-за руля, украсив физиономию самой проникновенной улыбкой.

– Девушка, чего вы... того... ломаетесь? На меня никто не жаловался. И вожу я хорошо, даже грамота от нашего парка есть. Показать?

– Небось за грамотой домой ехать придется, – ершилась Муськина, тем не менее оттаивая. Водитель был крупным, белобрысым и умеренно симпатичным.

– Зачем домой? – напрягся парень, у которого дома на широком массивном диване спала не менее широкая и тяжелая на руку жена. – У меня все тут.

– Знаю я, какие у вас, мужиков, грамоты и где вы их храните, – многозначительно пошевелила куцыми бровями Аллочка, давая понять, что ее так просто не проведешь. Но, судя по тону, она уже готова была ехать.

Верочка лучилась от счастья, а Володя так торопился поскорее сбить охранницу с рук, что едва не прищемил ее дверью.

– Вера, – Муськина отпихнула суетившегося Вову и скорбно сморщилась, как мать, отправляющая дочь-студентку на картошку и понимающая, что все ее напутствия обтекают легкомысленное чадо, не затрагивая сознания, – помни, некоторые ошибки невозможно исправить. Будь осторожна!

– Прощайте. – Вова влез между ними и с чувством сложил руки на груди, вспомнив об этике общения с дамами. – Очень приятно было познакомиться, даже жаль, что вы так быстро...

– Мы можем продолжить наше знакомство в следующий раз, – с готовностью утешила Муськина отшатнувшегося парня.

Когда такси увезло наконец бдительную Аллу, высунувшую голову в окно, что-то радостно оравшую и неистово махавшую рукой, Володя с Верочкой ненадолго затихли, как два молотобойца, завершившие тяжелую трудовую вахту. Верочка осознала свободу первой. Она нерешительно улыбнулась, не зная, как восстановить нормальный диалог.

– Не волнуйся, – утешил ее Вова, – я договорился, чтобы ее не выпускали из машины до самого дома. Просто стихийное бедствие, а не девчонка.

– Она вообще-то хорошая, – с радостью поддержала диалог Верочка: лишь бы говорить, не молчать, а там все само собой наладится. – Только глуповатая немного и вечно во всякие истории попадает.

– Давай о чем-нибудь более веселом поговорим, – предложил Вова, осторожно погладив Веру по волосам. Он стоял на бордюре, и их глаза оказались на одном уровне. Совместные военные действия сближают, поэтому все усилия Муськиной не увенчались успехом, а ее отъезд лишь способствовал стремительному развитию событий.

Глава 4

Зимние каникулы пронесли, как скорый поезд мимо притулившейся у железной дороги деревеньки. С одиннадцатого января Верочка должна была приступить к работе у Володи. Как обычно, положительное изменение в судьбе волокно за собой целую бороду всяких мелких проблем и вопросов. Плюс не может существовать без минуса, а все хорошее в женской доле тут же обрастает немислимыми по своей чудовищности предположениями, домыслами и фантазиями. Вера, едва успевшая почувствовать себя хозяйкой положения и убедиться в своей власти над Володей, тщательно и продуманно ухаживавшим за ней все это время, сразу же стала бояться потерять столь ценный экземпляр, умевший дать девушке возможность ощутить себя королевой. Она трепетала при мысли, что на работе не сможет соответствовать его высоким требованиям, не оправдает доверия, не выдержит конкуренции с другими сотрудницами, станет предметом сплетен или насмешек, которые дойдут до директора, надоест ему в первые же дни... В общем, вариантов была масса, но ни одного обнадеживающего. Казалось, что удерживать в руках скользкого ужа намного проще, нежели остаться Володиной подружкой в предлагаемых обстоятельствах. Ее уже не радовали ни зарплата, ни перспективы карьерного роста, обещанные щедрым кавалером, ни должность хоть и мелкого, но начальника.

Ярослава Аркадьевна считала все Верочкины измышления на эту тему детской блажью. Она была счастлива, что дочь нашла хорошее место. Но убежденность мамы в том, что начинать карьеру с должности любовницы собственного шефа – удачный старт, Вера не разделяла.

– Если поведешь себя умно и не будешь афишировать связь в коллективе, то все образуется! – Мама уже предвкушала, как будет гордиться Верочкой, принятой на солидную должность в приличное место, несмотря на юный возраст и отсутствие опыта. Талант – он везде пробьется. А Верочка, безусловно, была талант!

– Не нравится мне все это. – Руслана курила, откинувшись на спинку кресла и красиво переплетя гладкие ноги. – На мой взгляд, правильнее было бы не эксплуатировать твои знания языков, а просто любить молодую и свеженькую девочку, дав ей возможность спокойно доучиться и получить диплом. Если бы я была на его месте, то так бы и сделала: забрала тебя от Ярославы, пока она своими концертами не превратила тебя в неврастеничку, поселила у себя, если, конечно, на собственной жилплощади у него не проживает какая-нибудь тетя, у которой в паспорте написано, что она его жена... Ладно-ладно, не надо воздух набирать – лопнешь. Я просто предположила. Имей в виду, если связываешься с мужиком, жди чего угодно. Надо быть готовой к любому фортелю. Многие из них не глупее нас и врать умеют не хуже. В любом случае, если есть деньги, то почему бы просто не давать их тебе на карманные расходы? Зачем работать-то?

– Руся, а опыт, а практика? И потом – это будет выглядеть, как будто он покупает меня. И я хочу работать! Я хочу быть независимой материально!

– Киса моя! Как раз в этом случае ты и будешь материально зависеть от своего босса. Нет, не нравится мне этот вариант. Это похоже на попытку сэкономить, нанимая на работу ближайших родственников. Создается иллюзия, что все деньги остаются в семье.

– Но я пока не член семьи, – мотнула головой Верочка, поневоле разулыбавшись. Судя по блаженству, неотвратимо накатывавшему на ее личико, «в семью» ей хотелось.

– Член не член, а что-то здесь не так. Работать на своего мужчину можно дома, и то не следует давать ему волю, а уж пахать на мужика круглосуточно... вы так быстро друг другу приедитесь.

– Вот этого я и боюсь, – честно сказала Вера. – Я в книжке читала...

– Я тебе и без книжки скажу: мозолить друг дружке глаза с утра до вечера – не дело. Если ребенка все время кормить одним шоколадом, то в какой-то момент даже самого завзятого сладкоежку начнет мутить при одном только слове «шоколад». Ты его любишь?

Вопрос прозвучал неожиданно, поэтому Верочка, впитывавшая каждое слово взрослой и мудрой подруги, машинально ответила:

– Не знаю, вроде да.

– Это хорошо.

– Почему?

– Потому что когда «вроде да», то это означает, что ты еще не растворилась в своем партнере окончательно и способна мыслить логически, отделяя зерна от плевел. Запомни: все, что тебе обещают мужчины в тот момент, когда пытаются добиться твоего расположения, надо делить на десять. Если сначала тебе посулили кольцо, то потом запросто можно стать обладательницей пластмассового обруча для формирования талии и комплекса по поводу отсутствия оной, поскольку любимый, дорываясь до тела, всячески его воспекает, а получив желаемое, начинает его косметический ремонт...

Руслана оказалась права. «Офисом» то место, куда ее гордо привез в первый день работы Вова, можно было называть с большим натягом. Свернув с проспекта и попетляв по обшарпанным задворкам, его «Ауди» приткнулась к обветшавшему двухэтажному зданию с зарешеченными окнами. Кое-где с него обвалились огромные куски штукатурки, обнажив изъеденный временем кирпич, кромка ржавой крыши кривым изгибом угрожающе нависала над узкими пожарными лестницами, которые в количестве четырех штук лепились к стене сооружения.

– Ну, добро пожаловать! – Вова гордо потер руки и красиво помахал ими в воздухе, изобразив приглашающий жест. Судя по разыгранной пантомиме, Верочке предлагалось штурмовать одну из этих лестниц, покрашенную в отличие от остальных ржаво-серых конструкций в ядрено-зеленый цвет. Такой умопомрачительной зелени Верочка еще никогда не видела: лестница флуоресцировала и выбивала слезу своим немыслимым оттенком.

– Это офис? – дрожащим голосом решила уточнить она, подсознательно надеясь, что все это какая-то глупая шутка. Во всяком случае, слово «офис» после просмотра многочисленных сериалов про судьбы современных золушек ассоциировалось у юной студентки с кафельно-хромово-стеклянными поверхностями, хирургической чистотой и исключительно вежливыми сотрудниками в костюмах.

Помещение, состоявшее из нескольких комнат и жуткого туалета, больше походило на затрапезную контору по приему вторсырья, словно вырванную из времен социализма и перенесенную почти в центр большого города. Первым, кого они встретили после мучительно долгого преодоления тонких ступеней зеленой лесенки, был затертый мужичонка с редкими волосами, часть которых была собрана в хвостик, а часть свисала вокруг небритого лица двумя свалывшимися сосульками.

– Познакомься, Верочка, это Игорь, наш коммерческий директор.

– Он? – Соблюсти субординацию не получилось, и с этим коротким вопросом на тактично дышавшего в сторону Игоря вывалилось презрительное недоумение, скрыть которое было выше Верочкиных сил. Если так выглядел коммерческий директор, то знакомиться с остальными членами коллектива было заранее страшно.

Пару раз споткнувшись о загибавшиеся лохмотья линолеума, Верочка дошествовала до своего рабочего места. Для нее так и осталось загадкой, чем именно гордился Володя, победоносно дергая кадыком и щедро описывая дуги то правой, то левой рукой, демонстрируя свое королевство. Вероятно, человек, вложивший всю душу в свое детище, пусть даже такое непрезентабельное и поеденное временем, не видит недо-статков, которые режут взгляд окружающих. Так ребенок с соплями до пупа, топающий ногами и заходящийся в истерике по поводу

некупленной лопатки, всегда будет любим родителями, а собранный каким-нибудь умельцем из ошметков аварийных автомобилей жутковатый драндулет будет казаться хозяину оригинальным и вполне совершенным, невзирая на ржавые отметины на крыльях и треснувшее лобовое стекло.

Но Верочка жила в другом мире, и ее юношеский максимализм не признавал полумер. Офис должен был быть офисом, а не шарашкиной конторой.

Кроме коммерческого директора, по этажу слонялось еще двое мужчин, один из которых оказался добродушным неопрятным толстяком, постоянно отпускавшим пошлые шуточки в адрес новоявленной сотрудницы, а второй был его полной противоположностью – злобная прыщавая жердь с презрительно поджатыми губами.

Когда ему представили Верочку, он гневно хохотнул и, вильнув тощим телом, процедил: – Ну-ну, рад знакомству.

В короткой фразе было столько яда, что хватило бы на батальон гремучих змей. Вера тут же поняла, что будущий коллега не только не рад знакомству, но и крайне огорчен самим фактом ее появления на территории.

Толстого величали Михаилом, а тощего – Вадиком.

– Вадим Константинович, – уточнил «коллега», еще раз обдав Верочку презрением.

Володя продолжал источать мед и горделиво комментировать процесс, словно водил девушку не по обшарпанной конторе, а по дворцу султана.

– А здесь у нас святая святых, – ткнул он пальцем в железную дверь с глазком. Дверь, выкрашенная в гадостно-коричневый цвет, навевала тоску и выглядела как вход в подвал. Если бы за ней оказались крысы, текущие трубы и плесень, Верочка бы не удивилась. Но после троекратного пинка по металлу, следствием которого стал невообразимый грохот и долгое эхо, трусливо заматававшееся в коридоре, кто-то отпер отвратительно залязгавшие засовы, и дверь тяжело открылась. В маленькой душной комнате высилась невообразимо полная женщина. Наряженная в цветастый балахон с растянутой по поверхности шерстяной кофтой, она была похожа на танк, облитый гуашью. У Верочки зарябило в глазах, а удушающий аромат духов хищно заполз в нос и провалился в горло, начав там возиться и царапаться, как застрявший еж.

– Это наш главный бухгалтер – Марина Владимировна. Марина Владимировна, познаться, наш новый офис-менеджер Вера.

– Здравствуйте, – выдавила главбух, тоже сразу дав понять Верочке, что особой эйфории от ее появления не испытала. – Володя, ее оформлять или пока не надо?

Вопрос был по меньшей мере странным. Вера заволновалась. Это могло означать только одно – ей не доверяли, считая, что долго она на работе не удержится. Самым ужасным было то, что Вова не замахал руками и не завохотал, мол, что вы, что вы, какие могут быть сомнения, конечно, оформлять! Неопределенно махнув рукой, любимый бормотнул:

– Потом обсудим.

Все было не так. Вера чуть не расплакалась. Даже туалет, наполнявший конец коридора зловонием и шумом бегущей воды, уже не смог потрясти ее воображения.

Верочкино рабочее место находилось в приемной, роль которой исполнял замысловатый аппендикс, отделенный от коридора красивой лаковой дверью, смотревшейся на фоне размазанных масляной краской стен как бабочка на навозной куче. Сама приемная выглядела сногшибательно: заросли искусственных цветов, призванных прикрыть все те же «масляные» разводы и потеки на стенах, массивная кожаная тройка бордово-коричневого цвета и ультрасовременный набор офисной мебели, производивший впечатление яйца Фаберже в сорочьем гнезде. Пол оказался покрытым все тем же продраным в некоторых местах линолеумом, только здесь клочки не топорщились, цепляя посетителей за ноги, а были заботливо прибиты разнокалиберными гвоздиками. Окно пряталось за жалюзи.

– Нравится? – довольно хихикнул Вова. – У меня еще круче.

Он так раздувался от гордости, что пришлось идти смотреть это самое «круче». Кабинет начальника выглядел так же странно, как и приемная, – словно на помойку вынесли дорогие вещи и заботливо их там расставили.

– Иди осваивайся. – Володя легонько шлепнул ее, но потом вдруг передумал, дернул к себе и скрасил мутное впечатление от начала первого рабочего дня долгим прочувствованным поцелуем.

Верочка бессмысленно потопталась в приемной, неуверенно покрутилась на стуле и провела пальчиком по столешнице. Розовая подушечка моментально покрылась бурым слоем пыли. Пыль лежала повсюду, выдавая отсутствие уборщицы.

– Володя, – она заглянула в кабинет к любимому, – а кто у вас убирает?

– Не у вас, а у нас. – Он послал девушке воздушный поцелуй. – У нас убираем мы.

После чего сосредоточенно углубился в изучение толстой папки, лежавшей на столе, давая понять, что тема закрыта.

Уточнение «у нас» обнадеживало, но получалось, что убирать должны все-таки не «мы», а она. Не привлекать же директора к генеральной уборке! Похлопав дверцами шкафов, Верочка обнаружила упаковку одноразовых носовых платков и рулон туалетной бумаги. Этого было вполне достаточно для начала. Посмеиваясь про себя, что работа оказалась пыльной, Вера до обеда наводила в кабинете относительную чистоту.

Около двух часов дня в приемную вышел Володя. Верочка оживилась, ей очень хотелось как-то отметить начало трудовой вахты, но любимый неожиданно сообщил:

– Я на переговоры. Если кто будет спрашивать, записывай: кто, откуда, что передать.

И, обмусолив Верочку на прощание своим коронным поцелуем, он отбыл в неизвестном направлении. Девушка тут же почувствовала себя Красной Шапочкой в чаще леса: вокруг сложнялись недружественно настроенные сотрудники, кнопастый телефон пугал непонятными надписями на клавишах и валявшейся рядом толстой инструкцией, а компьютер тупо таранился почти пустым рабочим столом, на котором красовались двое накачанных юношей и грудастая блондинка. Блондинка интригующе высовывала язык, кавалеры играли бицепсами, а бедная Верочка вдруг поняла, что работать тягостно и страшно.

Пользоваться компьютером она почти не умела, хотя Володя сказал, что научит и все покажет. Маленький ксерокс мертвым блоком лежал на тумбе, рядом мигал красной лампочкой факс. Все это тревожило и напрягало.

Глава 5

Следующий месяц Верочка посвятила самосовершенствованию. Она накупила книг для начинающих пользователей ПК и методом тыка освоила оргтехнику. Делать было совершенно нечего: сотрудники к директору не заходили, сам Володя где-то постоянно пропадал. В офис никто не звонил, поэтому девушка с удовольствием изучала компьютер. Первым ее достижением стала смена вульгарной полуголой троицы на очаровательного пушистого котенка. Правда, ярлыки программ, слившись по цвету с его серой шерсткой, стали почти незаметными, но это была мелочь.

Обнаружив доступ в Интернет, Верочка решила изучить и его. Наткнувшись на весело подмигивающий квадратик с многообещающей надписью «А сколько стоишь ты?», она попала на сайт вакансий. Надпись «Вы ищете работу?» нашла горячий отклик в ее душе. Ей хотелось доказать Вове, что она способна на большее, нежели протирание юбки в пустой приемной. Верочка искренне не понимала, для чего ему понадобился офис-менеджер, если ни офиса как такового, ни работы не было.

Мама считала, что предоставившийся шанс надо было использовать по максимуму. Раз уж попала в приличное место, то следующая ступенька может быть еще выше. Она даже хотела наведаться к дочери на работу, но Вера, в ужасе представив, что может учинить в ООО «Альбионика» Ярослава Аркадьевна, соврала, что вход только по пропускам. Допускать маму до Володи не хотелось, тем более что она уже возомнила его своим зятем, о чем и рассказывала всем подряд. Попытки Верочки объяснить, что Володе до крупного бизнесмена, как воробью до страуса, и не в деньгах счастье, наткнулись на категорическое неприятие Ярославой Аркадьевной столь инфантильного отношения к собственному будущему.

– Муж должен быть в состоянии обеспечить тебе нормальные условия! Иначе он не муж, а жена! – кипятилась мама, гремя сковородками и сердито разбрызгивая воду из кухонной раковины.

– Мама, он не так богат, но...

– Я не для того тебя растила, чтобы краснеть на старости лет! Я недавно встретила Яшкину – ну, ты помнишь, из твоего класса. Так вот, она была в норковой шубе и на собственной машине. Хотя машина конечно, грязная до невозможности. Яшкина всегда была засранкой...

Ту встречу мамы с Яшкиной Верочка помнила. Ярослава Аркадьевна весьма болезненно переживала чужие успехи, особенно когда это касалось Верочкиных подруг. Троечница Яшкина, в недобрый час перебежавшая маме дорогу в своей шубе из дорогостоящей крысы, стала предметом разговоров на ближайшие годы. В зависимости от настроения Ярославы Яшкина то превозносилась до небес за умение устроиться в жизни, то пригвождалась к позорному столбу за приспособленчество и неизвестно каким путем нажитые ценности.

– Мам, он вполне состоятельный...

– Знаю я, в каком месте он состоятельный. Приведи его домой, я должна с ним серьезно поговорить! Ты до сих пор ходишь в позапрошлогодней дубленке! Он что, думает, что я буду одевать его невесту?! Может, твой Вова и свадебные расходы на меня повесит?

– Мамуль, Володя пока не собирается жениться. Мы даже не говорили на эту тему. Так что никаких обязательств передо мной у него нет!

– Ха! Зато у него есть обязательства передо мной! Я тебя родила, ты моя дочь...

– Ага, и он теперь должен тебе за амортизацию! – вспылила Верочка, которую чрезвычайно злили подобные кухонные разборки, опошлявшие романтику первой любви.

Руслана придерживалась другой точки зрения.

– Верунь, он тебя натурально использует. Только как-то странно. Или твой Ромео решил поучить тебя уму-разуму и объяснить, что деньги даром не даются, что их надо заработать? Хотя тоже как-то нелогично. Работать-то он тебя не заставляет. Может, он просто ревнивый и хочет, чтобы твои ноги были все время у него на глазах или под рукой? Вы там, кстати, на работе...

– Ни-ни, ты что!

– А почему он тебя к себе не перевозит, ты не спрашивала?

– У него ремонт, он сам на съемной квартире живет.

– Да-а-а? – Руся даже вскочила. – А почему ты раньше мне об этом не говорила? Ты его паспорт видела?

– Ты что? – Верочка покраснела и округлила глаза.

– Так видела или нет?

– Ну, видела. Он разведен.

– Давно?

– Не знаю, я не посмотрела. А что, там должно быть написано?

Руслана нахмурилась.

– А прописку смотрела?

– Нет, не успела.

– Хорошо. Вернее, плохо. А что ему мешает перевезти тебя на съемную квартиру? Раз туда можно ходить в гости, то и жить там, наверное, тоже можно.

Верочка, которую этот вопрос тоже очень волновал, виновато промолчала. Она уже давно хотела поднять тему совместного проживания, но напрашиваться было как-то стыдно, а сам Володя ничего такого не предлагал, всякий раз после свидания отвозя ее домой к маме.

– Может, он хочет соблюсти приличия, – безнадежно вздохнула она, сама не веря в такой вариант.

– Какие приличия? Разве это нормально – выгонять девушку на ночь?

– Он не выгоняет, он отвозит.

– И тем не менее! Здесь что-то нечисто!

– Ну, он один раз предложил остаться у него, – созналась Верочка, – но это было в самом начале. Я тогда решила пофасонить и не согласилась. Вот. Больше он и не настаивает.

– Он не настаивает! – передразнила Руся. – Так ты настаивай! Никто не говорит про переезд с трусами, книжками и постельным бельем! Можно же иногда просто оставаться на ночь, чтобы утром проснуться рядом с любимым! Или он по ночам превращается в вурдалака и с воем носится по микрорайону? Ты, кстати, спроси, чтобы потом не очень расстраиваться. Поверь моему опыту: шутки шутками, а ведет он себя ненормально.

И опять Руслана оказалась права. Ответ на вопросы, которые все больше натягивали отношения Верочки и Володи, сорвался как пружина, больно хлестнув по самолюбию.

Началось все весьма многообещающе. Однажды утром Володя ворвался в приемную с радостным гиканьем и закружил Верочку по комнате:

– Радость моя, угадай, что у нас случилось?

– Ты беременный, – глупо пошутила Вера. Настроение у нее было не особо радужным, поскольку жердеобразный Вадим Константинович сегодня, не пожелав ответить на приветствие, сделал вид, что вообще не замечает девушку, при этом брезгливо дернув носом, как будто от Верочки пахло не духами, а чесноком.

– Как? – вздрогнул Вова. – В каком смысле? То есть ты на что намекаешь?

– Не пугайся. Шутка. – Вера виновато улыбнулась, но откуда-то изнутри накатывала горькая обида: как он испугался этого слова!

– А-а-а, тогда еще одна попытка!

– Володя, я не знаю. Ну, ты выиграл в лотерею... Нет?

– Почти! К нам едет Марко!

– Здорово! – вежливо согласилась Верочка. – А кто такой Марко?

– Это мешок с деньгами, это перспективы, это как минимум новый коттедж в Репине! Если ему все понравится.

– И что нужно делать? – Единственное, что приходило Вере в голову, это генеральная уборка или вообще косметическая реставрация офиса.

– Я тебе потом все скажу. – Осчастливленный приездом неизвестного мешка с перспективами Володя радостно ускакал в кабинет.

– Потом, – проворчала Верочка. – А если я потом, как Золушка, на бал не успею?!

Как выяснилось позже, бал без Золушки не планировался вообще.

Целую неделю Володя вел себя идеально, пугая Верочку чрезмерным вниманием и постоянными разговорами о грядущем приезде компаньона. Складывалось ощущение, что даже в постели они были втроем. Пуская колечки дыма в потолок, расслабленный Вова вдруг начинал душевно рассказывать Верочке про Марко, взхлеб расписывая его достоинства.

Когда они ехали в аэропорт, бедной Вере уже казалось, что она недостойна встречать столь важную шишку, которая, по словам Володи, была владельцем «заводов, газет, пароходов». Кроме того, судя по Вовиным отзывам, партнер обладал выдающимися внешними данными и был королевских кровей.

– Дефекты-то у него есть? – робко поинтересовалась Вера, подавленная обилием положительных качеств встречаемого.

– Нет, – убежденно мотнул головой шеф.

Стало еще страшнее. Английский язык медленно, но верно утекал из головы, а заготовленные приветственные фразы таяли, как забытое на плите мороженое.

– Я по-английски не очень хорошо говорю, – на всякий случай обезопасилась она.

– Ерунда, – махнул рукой Вова. – Зато он по-русски чешет, как мы.

– Но, наверное, по этикету положено с гостем говорить на его родном языке?

– Родной у него испанский, так что расслабься и постарайся быть приветливой.

– Ну, это несложно, – опрометчиво заявила Верочка, растянув губки в улыбке.

Быть приветливой с Марко оказалось делом архисложным. Испанец, так поразивший воображение Володи, тут же, прямо с разбега, попытался поцеловать Веру. Та увернулась, но, как показало будущее, ненадолго. Марко оказался лысоватым колобком с сальными маленькими глазками и крепкими пальцами, покрытыми жесткой курчавой шерстью. Этими пальцами он с первого же момента начал хватать Веру за ноги и попу. В первый раз девушка даже решила, что ей показалось, но довольная улыбка и ковбойский вопль Марко говорили об обратном.

Щипался он чрезвычайно больно и с явным удовольствием.

– Володя, он ко мне пристает, – жутким шепотом поведала она любимому, с обожанием разглядывавшему розовощекого Марко.

– Потерпи, пожалуйста, потом все объясню, для дела надо, – бросил он и, отвернувшись, пылко цапнул партнера за пухлую лапу: – Марко, а не пообедать ли нам?

– А не выпить ли нам! – подмигнул ему колобок и щелкнул зубами, глянув на Верочку. Она вздрогнула и попятилась.

– Это моя сопровождающая? – утвердительно поинтересовался Марко, чтобы снять возможное недопонимание.

– Конечно. – Володя подтолкнул Верочку вперед. Она чувствовала себя так, словно ее тянули, как старую лошадь на колбасный завод. Мысли смешались в клейкую кашу и не желали выстраиваться в логическую цепочку. С одной стороны, Володе, безусловно, нужно было помочь, поскольку на этого пузатого испанца возлагались большие надежды, а с другой...

Верочка хотела принимать все героические решения сама. Подвиг переставал быть подвигом, когда герою не оставляли выбора, гоня его на амбразуру танками и пулеметным огнем. Ей было чрезвычайно неприятно, что Володя не ревновал, а, наоборот, поощрял иноземного гостя к столь возмутительным действиям. Если бы любимый переживал, заламывал руки и покрывался пятнами, Верочка чувствовала бы себя великомученицей, а в нынешнем варианте это больше походило на работу ассенизатора.

– Ноги – блеск, – прервал ее тягостные раздумья Марко и снова потянулся протестировать конечности сопровождающей на упругость. Он изъяснялся по-русски довольно чисто, но короткими рублеными предложениями, в которые никакая дипломатия не вписывалась. Поэтому получалось не просто грубо, но крайне унижительно.

– Рада, что вам нравится, – довольно раздраженно ответила Вера. Марко стал напоминать ей озабоченного кобелька болонки, сосредоточенно обнюхивающего все юбки и упорно сующего нос, куда не положено.

– На «ты». Надо стать ближе. До вечера. – Испанец блаженно улыбнулся и выкатил глаза. Пантомима была Верочкой не понята, но оставила неприятный ледяной провал где-то в груди: хотелось уточнить намерения. Ей не верилось, что все может объясняться так банально и пошло.

– Буду писать, – посерьезнел Марко.

– Что? – ахнула Вера. Она никак не могла привыкнуть к обрывкам мыслей, выдаваемым гостем. Фраза прозвучала так, словно Марко собирался приступить к исполнению задуманного, не сходя с места.

Но все оказалось не так страшно: испанец ускакал удовлетворять свои физиологические потребности в специально отведенное для этого место.

– Малышка, – жарко зашептал Вова, пользуясь отсутствием дорогого гостя. – Наше будущее в твоих руках. Будь с ним повежливее. Марко прилетел всего на несколько дней, а потом я искупаю тебя в шампанском и увезу на край света!

– На Северный полюс, что ли? – капризно спросила Верочка. – А почему мы должны таскаться с ним, разве без меня вы не обойдетесь?

– Да ты что?! – замахал руками Володя. – Ты будешь его сопровождать, я же должен работать, мне некогда!

– Ка-ак? – Вере стало дурно при мысли, что она останется наедине с похотливым испанцем. – А разве ты не с ним должен работать?

– С ним, с ним, но вечером-то мы не можем бросать его одного! Ты же не сможешь вместо меня подготовить документы! Или сможешь? Тогда я буду его развлекать.

Это предложение звучало как издевка. Естественно, никакие документы Вера готовить не могла. Нужно было срочно посоветоваться с Русланой – ситуация выворачивалась наизнанку, как старый носок, топорщась непрезентабельными лохматыми нитками.

– Учись быть снисходительной к чужим слабостям. Партнер – это святое. Бизнес есть бизнес: чтобы выжить на нынешнем рынке и не быть затоптанным конкурентами, надо идти на компромисс с самим собой! Понимаешь? Если б ты только знала, чем мне пришлось пожертвовать!

Верочка не знала, чем именно успел пожертвовать любимый, и категорически не понимала, что он имел в виду, так витиевато и пафосно выступив.

– Что от меня-то надо? – робко уточнила она, стесняясь собственной непонятливости.

– Ты выйдешь за меня?

– Что?

– Я прошу тебя стать моей женой! – Вова грохнулся на пол, гулко стукнувшись коленями о мраморную плитку и протянув Верочке пышный букет, купленный для Марко и полчаса

назад Верочкой же подаренный испанскому гостю. Перед уходом испанец опрометчиво дал подержать цветы Володе. – Куда ты хочешь поехать в свадебное путешествие?

Верочка, как и любая девушка ее возраста, безусловно, хотела замуж. Но она хотела в принципе, когда-нибудь. И отношения с Володей, конечно, когда-нибудь могли бы закончиться красивой свадьбой, и предложение было крайне лестным, и коленопреклоненная поза кавалера, весьма заинтересовавшая окружающих, тешила ее девичье самолюбие, но это все были детали. По сути, Верочка не готова была к столь серьезному шагу. Но и отказать она тоже была не готова.

Разволновавшись и забыв про досадное недоразумение в виде перекормленного и недовоспитанного в детстве испанца, Верочка покраснела и пробормотала, скрывая ликование:

– Я не могу так сразу...

– А сразу и не надо! Я же понимаю, тебе надо подумать, посоветоваться. Я готов ждать хоть всю жизнь! Если б ты только знала, как я тебя люблю! – Володя подполз поближе и преданно заглянул в глаза избраннице.

– А сколько у меня времени на размышления?

– Я же сказал, готов ждать всю жизнь!

Развить волшебной будоражившую Верочку тему не удалось – на них неотвратимой лавиной несся Марко. Судя по довольно лоснящейся физиономии, все прошло удачно, и непоседливый испанец был готов к новым свершениям.

Шлепнув Веру так, что удар отдался у нее в голове, Марко проорал:

– Поехали есть и спать!

Предложение руки и сердца, свершившееся пару минут назад, усыпило Верочкину бдительность, и она, пребывая в благодушном настроении, восприняла формулировку дальнейшей культурной программы вполне позитивно.

В машине пришлось сесть назад. Вместе с Марко. Так захотел Володя. К концу пути Вера уже с трудом сдерживалась, чтобы не надавать гостю по красным диатезным щекам. Но всякий раз ловила в зеркале заднего вида полный нежности взгляд любимого и молча отодвигала потные руки навязчивого испанца.

Ел гость со скоростью мясорубки, словно надеялся за счет Володиных представительских расходов наесться на несколько месяцев вперед. Насытившись, он долго и старательно ковырялся в зубах, придирчиво рассматривая добычу, потом икнул, небрежно вытер руки и выкрикнул:

– Танцевать!

Вера застыла, глядя на его поблескивавшие остатками жира пальцы.

– Малыш, вряд ли он приглашает меня, – шепнул Вова. – Не сердись. Осталось совсем чуть-чуть потерпеть, и поедем домой. Должен же этот борцов наконец-то устать.

– У него руки грязные, – прошипела в ответ Вера, которой уже успели надоесть жертвы ради любви. Их оказалось слишком много, и они грозили превысить критическую массу, прорвав плотину ее терпения.

– Если испачкает костюм, я куплю тебе новый.

Дело было не в костюме, но вряд ли Володя это понимал. Устало вздохнув, Верочка встала, а испанец остался сидеть, пялясь на ее коленки. Вера раздраженно дернула ножкой:

– Мы идем танцевать?

Вместо ответа Марко погладил ее по бедру и встал. Его макушка оказалась прямо под Верочкиным носом. Сверху Марко выглядел еще комичнее: похожий на детскую клизму нос прикрывали лохматые брови, а по бокам смешно топорщились сизые уши.

«Хоббит толстопузый», – эта мысль ненадолго развеселила девушку, старательно пытавшуюся избавиться от горького чувства унижения. Ей казалось, что сейчас ее используют, как

одноразовую салфетку, которой Марко только что вытер свои жирные лапы. Это, конечно, была чрезмерная мнительность, но избавиться от ощущения горечи оказалось трудно.

Однако дальше события развивались самым удивительным образом. Когда Марко от души наплясался, заказав для полноты программы даже ламбаду и заставив Верочку бегать с ним паровозиком, оказалось, что Володя ушел. Когда он был рядом, Вера хотя бы не чувствовала себя, как нудист на Красной площади. Не успела она подумать, что, возможно, любимый удалился припудрить носик, как на столе недовольно заворочался мобильный телефон.

– Верунь, у нас форсмажор! – проорал Володя, разрушив ее последнюю надежду на спасение. – Что-то в офисе, с охраны звонили! Счет я оплатил, машину нашел, вишневая «Вольво» перед входом. Водитель отвезет вас в гостиницу, поселишь Марко, а я подъеду.

На этом непонятном указании разговор оборвался. Куда он подъедет, и главное, где она должна ждать шефа, ведь не в номере же у этого неуправляемого бабника?

– За знакомство. – Испанец радостно боднул своим фужером Верочкин бокал. – Чтобы все!

Вера машинально глотнула, соображая, как отказываться от возможного «брудершафта».

– У тебя осталось. Надо брататься, – словно прочитал ее мысли гость, свернув толстые губы во влажно блестящую трубочку.

Вера схватила вино и торопливо допила.

– Все, – развела она руками и тут же сообразила, что сейчас ей могут налить еще.

Но Марко радостно хихикнул и показал девушке козу. Верочке вдруг стало смешно: толстяк был милым и наивным дядькой, видимо, недолюбленным на родине. Хотя, учитывая его материальное положение, дамы, желающие обогреть Марко своими телами, должны были давиться в очереди, записываясь за месяц и спекулируя талончиками на вход. Голова закружилась, и образ гостя слегка размылся, подернувшись рябью.

– Покатились! – захлопал в ладоши испанец, неизвестно что имея в виду. Вера расхохоталась.

– Куда покатились? – давясь от распиравшего ее веселья, Верочка еле выговаривала слова.

– Бай-бай!

Какой-то уголок сознания, еще не затопленный бурной радостью неизвестного происхождения, тревожно забился в предчувствии беды, но тут же затих, подавленный галантностью Марко, резво вскочившего и выдвинувшего из-под встающей Веры стул. Кавалер действовал намного быстрее веселящейся и заваливающейся на бок дамы, поэтому Верочка, потерявшая точку опоры в виде мягкого сиденья, немедленно опрокинулась на своего коротконого рыцаря. Марко ловко подхватил девушку за грудь, заодно проведя ее беглую инвентаризацию. Вера не возражала, ей было смешно и щекотно. Они так и вышли из зала обнявшись, как старые добрые друзья.

... Сквозь темно-зеленые шторы с трудом пробивался слабый свет, вялыми мазками очерчивая силуэты стоявшей в комнате мебели. На стене у окна бликовала то ли картина, то ли зеркало. Вера поморщилась: во рту горчило, тело было тяжелым, словно пластиковая бутылка с водой. Кроме отдаленного гудения машин и приглушенной музыки, других звуков не было.

Она совершенно явно находилась в комнате одна. Придерживая на груди одеяло, Вера приподнялась и огляделась. Ее одежда валялась на полу, на тумбочке у кровати стояли пузатая бутылка и два бокала, рядом в пепельнице исходил зловонием остаток толстой сигары. Голова не болела, но немного кружилась. Память вертелась, как взбесившаяся карусель, калейдоскопом сменяя обрывки воспоминаний. То, что удавалось уловить, пугало и заставляло холодеть. Осторожно собрав детали одежды, Верочка обнаружила, что нижнее белье отсутствует. В мыслях ощущалась странная пустота. Заторможенно прижав к себе костюм с мятой блузкой,

девушка застыла посреди комнаты, не понимая, что делать дальше. Услышав громкий щелчок входной двери, она начала медленно оборачиваться. В дверях, открыв рот, стояла женщина лет пятидесяти в сером бесформенном платье и переднике. На ее лице застыло выражение гневного изумления, тут же неправильно истолкованное плохо соображавшей Верой.

...Иногда линии жизни совершенно незнакомых людей тесно переплетаются, образуя клубок с многочисленными узелками и петлями, в которые попадают посторонние элементы, прочно и надолго застревающие в вашей судьбе...

Глава 6

Дарья Федоровна переживала не лучший период. Жизненный путь, сперва стлавший ей под ноги ровную асфальтовую дорожку, вдруг потрескался и покрылся выбоинами, а потом и вовсе превратился в непроходимую извилистую тропинку. На пороге пятидесятилетнего юбилея ее сократили на работе, ненавязчиво выперев из теплого однообразия конторских будней на дерганую и горластую биржу труда. Жирно накрашенная девица, проводившая собеседование, презрительно цедила слова сквозь полные губы, обведенные лиловым карандашом, старательно донося до Дарьи Федоровны простую истину: в ее возрасте и с ее образованием дорога одна – в уборщицы. Представив себе, что скажут соседи и знакомые, увидев ее верхом на швабре, Дарья Федоровна возмущенно фыркнула и занялась своим трудоустройством лично. Но точку зрения крашеной девицы разделяли все, к кому бы она ни обращалась. Муж предложил сидеть дома и не позориться, сын «порадовал» сообщением, что в его поликлинике требуется гардеробщица, а подруги, закатывая глаза, жаловались на собственные трудности и бестактно напоминали про возраст. Дарья Федоровна весьма расплывчато представляла себе, кем и куда она может устроиться, но такие слова, как «уборщица», «санитарка» и «гардеробщица», вызывали суеверный ужас, звуча как приговор.

В результате помощь, как это водится, пришла, когда ее уже не ждали и из совершенно неожиданного места. Заметив, что читать без очков становится все труднее, Дарья Федоровна отправилась к окулисту. Сын достал талончик, но сидеть в очереди все равно пришлось. Разговорившись со словоохотливой дамой, истомившейся в ожидании приема, она совершенно случайно узнала о наборе сотрудников в новый пятизвездочный отель. Женщина, обрадованная наличием благодарной слушательницы, с восторгом вывалила все подробности: администрация отеля ищет интеллигентных, порядочных женщин со знанием языка на разнообразные должности. Первые два пункта у Дарьи Федоровны были в наличии, а по третьему она планировала ограничиться демонстрацией старого русско-английского словаря и аттестатом зрелости от «девятьсот лохматого года», где по иностранному языку у нее стояла жирная пятерка. Через пару месяцев, пройдя несколько туров отбора, Дарья стала горничной. Почему-то ей казалось, что эта должность более почетна, чем просто уборщица, тем более что в устах начальства называлась она диковатым словом «хаускипер». Работа оказалась изматывающей и крайне унижительной. Молоденькие девчонки-служанки, занимавшие позицию хотя бы на полступеньки выше, выказывали свое превосходство, гоняя ее как вшивого по бане и глядя сквозь коллегу при встречах на улице. Кроме всего прочего, муж Николай Андреевич внезапно начал вести себя так же, как те молоденькие соплюшки, норовя при каждом удобном случае указать на недостатки во внешности, в ведении хозяйства и в поведении. Николай Андреевич, никогда не отличавшийся спокойным характером, побил все рекорды склочности и скандальности. С каждым днем Дарья узнавала о себе так много нового и интересного, что начала всерьез опасаться за умственные способности супруга. Оказалось, что она испортила ему жизнь, долгие годы давя на психику и не давая реализовать творческий потенциал. Она не так воспитывала ребенка, не так жарила котлеты, неправильно варила супы, нерационально расходовала деньги и не той тряпкой мыла пол. Посоветовавшись с подругами, Дарья Федоровна даже решила заняться психическим здоровьем озлобившегося супруга, но не успела.

Николай Андреевич, как выяснилось, вовсе не впадал в старческий маразм. Наоборот, у него наступила вторая молодость, связанная с какой-то Шурочкой. Неведомая Шурочка, оказывается, разительно отличалась от Дарьи Федоровны умением шить, варить, вязать и готовить. Кроме всего прочего, она была интересной собеседницей и хорошим товарищем. Планы доработать в ненавистой гостинице до пенсии и уехать с супругом на грядки, оставив сыну жилплощадь, рухнули в одночасье, как подбитые шаром кегли. Все еще пытаясь удержать в

руках остатки надежд на спокойную старость, Дарья попыталась вразумить престарелого Ромео и выяснить, откуда взялась неведомая прохиндейка Шурочка и чем она лучше. Чем взяла ее мужа соперница, стало ясно с первого же мгновения знакомства...

Спятивший на старости лет Николай Андреевич, насмотревшись вместе со своей новой пассивной телевизор, решил, что, будучи людьми цивилизованными и современными, они непременно должны сохранить нормальные дружеские отношения, для чего и приволок в прошлые выходные свою Шурочку в гости, дабы познакомить ее с бывшей семьей. Сын Сережа, до крайности потрясенный сложившейся ситуацией, пытался сохранить приличия, таращась на гостью, как филин, выкинутый среди бела дня из дупла. И немудрено – Шурочка была если не моложе его, то уж точно не старше.

Дарья Федоровна, по причине выходных, отсутствия супруга и наличия сложных семейных обстоятельств, проснулась ближе к обеду и разгуливала по квартире в старом халате и с нерасчесанными волосами. Звонок в дверь застал ее врасплох. Открывать пошел Сережа, а его мать, думая, что заглянула соседка, даже не подумала привести себя в порядок, отложив мероприятие на несколько минут, которые, как известно, погоды не делают. Если у человека начинается полоса невезения, то обычно она идет не пунктиром, а смачной непрерывной линией. В коридоре топтался счастливо-смущенный Николай Андреевич и румяная с мороза, худая носатая девушка. Ее блондинистые волосы были тщательно прилизаны и закреплены множеством заколок.

– А мы пришли в гости! Знакомиться и наводить мосты, – с преувеличенным добродушием сообщил Николай Андреевич, вытряхивая свою даму из мешковатой дубленки. – Это моя Шурочка.

Своим приходом он лишил Дарью Федоровну последней возможности встретить опасность достойно, лицом к лицу. Все последние дни она рисовала картины встречи с соперницей, адрес которой она неизвестно как, но вычислит, в одном ключе: гордая, независимая, намакияженная Даша, после парикмахерской, в выходном костюме, на шпильках надменно смерит взглядом сжавшуюся и подавленную ее великолепием тетку, замыслившую увести из семьи чужого мужика, и гордо сообщит... Что сообщит, Дарья Федоровна еще не придумала, поскольку ничего не знала о сопернице. Чтобы качественно и результативно ударить словом, нужно знать, куда бить, а без этой информации можно самой оказаться в положении боксерской груши. Но она никак не ожидала, что предстанет перед любовницей мужа в старом халате и со всклокоченной головой. Большой пакости он придумать не мог. Это прискорбное стечение обстоятельств привело к тому, что, выпав из образа интеллигентной дамы, чему немало способствовал неожиданно юный возраст пресловутой Шурочки, годившейся им обоим в дочери, Дарья Федоровна исполнила шаманский танец с визгом, криком и массой нецензурной лексики. Строить из себя вдовствующую герцогиню, не будучи соответствующим образом одетой, она считала нецелесообразным, поэтому отвела душу, погнав Шурочку по квартире. Николай Андреевич тоже весьма душевно получил тапкой по башке, когда попытался выступить парламентаром. Когда Дарья Федоровна выдохлась, загнав соперницу в туалет, супруг решил ее отчитать, пользуясь временной передышкой:

– Мы пришли к тебе, надеясь на разумный диалог...

– Тоже мне – встреча на высшем уровне, – задыхаясь, прошипела Дарья. – Считаю, что высокие договаривавшиеся стороны к консенсусу не пришли! Может, мне тоже на кого-нибудь из Сережкиных друзей стоило глаз положить, чтобы до тебя быстрее дошло, каково это – остаться у разбитого корыта на старости лет.

– Хоть глаз клади, хоть челюсть, – обидчиво пробубнил Николай Андреевич, – не поможет. В твоем возрасте о душе пора подумать, а не злобиться! Почему у корыта? У тебя сын остался, скоро женится, внуки пойдут, будешь нянчиться...

– Ах вот как?! – поперхнулась Дарья Федоровна. – Я буду внуков нянчить, а ты детей рожать?! Распределил обязанности! Мне всего пятьдесят будет!

– Не всего, а уже! – поставил ее на место муж.

– Это тебе – уже пятьдесят два, а мне только будет пятьдесят. Я тебя на три года моложе! Это ты, пень трухлявый, о душе думай, а я еще поживу!

– Конечно, поживешь, мы же не гоним!

– Куда «не гоним»? – осеклась Дарья Федоровна. – Кто это «мы» и куда меня «не гонят»?

– Мы с Шурочкой. Если ты в состоянии решать вопросы конструктивно, а не выть, как Тарзан, и не бросаться на приличных людей...

– Это кто здесь приличный? – Она злобно пнула фанерную дверь туалета. Затаившаяся Шурочка тихо взвизгнула.

– ... то мы готовы обсудить условия раздела, – упрямо закончил мысль Николай Андреевич.

– И кого будем делить – ребеночка? – ехидно осведомилась Дарья. – Так он взрослый уже, по выходным с ним гулять не надо, алименты тоже не нужны!

– Мы – молодая семья, нам нужны условия, – пояснил Николай Андреевич, горделиво выпятив грудь и максимально втянув живот, отчего у него выпучились глаза, а объем талии ничуть не уменьшился.

– Это кто же здесь «молодая семья»? – трясаясь от гнева, ерничала Дарья Федоровна. – Ау, что-то не вижу я тут молодых!

– Старый конь борозды не портит, – примирительно загудел Николай Андреевич, подбираясь к решению волновавшей его проблемы, ради которой и был затеян визит.

– Загнанных лошадей пристреливают, – охладила его пыл бывшая супруга. – Не слыхал? Смотри, не сдохни в борозде-то, а то на тебя плугом наедут. Я смотрю, девушка – не промах!

И она снова с остервенением вдарила ногой по двери, получив ответную порцию писка.

– Дашуня, у нас есть два варианта: мы можем жить все вместе, а можем разменяться.

– Ну, ты, отец, даешь! – наконец вступил в беседу Сережа, понявший, чем грозит ему лично бес, засевший у папеньки в ребрах. – Как мы тут жить-то будем, сам подумай.

– Вот и я о том же! – обрадованно подхватил мысль Николай Андреевич. – У нас есть следующие варианты...

Он похлопал себя руками по ляжкам и виновато сгорбился:

– Все у Шурочки.

Дарья Федоровна абсолютно перестала соображать. Раздавленная моральной тяжестью случившегося, она совершенно не подумала о материальной стороне вопроса. Трехкомнатная квартира почти в центре города, которую она воспринимала как объективную реальность и некое статичное явление, оказалась разменной монетой в этой грязной истории. Но, похоже, только ей было ясно, откуда произрастала любовь Шурочки к престарелому Ромео. Сам избранник горделиво стрелял глазами и уже двумя ногами стоял в новой жизни.

Тем временем Шурочка, ради защиты своего обеспеченного будущего готовая на любые жертвы, гулко затараторила из темноты туалета:

– Вам однокомнатная в хрущевке и дача, или нам двухкомнатная, а вам все остальное. Или вам дача и машина, а нам квартира. Мы согласны на любой вариант.

– Да, – крикнул Николай Андреевич, – мы готовы обсудить цивилизованно.

– Не понял, – растерянно улыбнулся Сережа. – Не вижу логики в подобном дележе.

Когда Шурочка расспрашивала любимого о членах семьи, то Николай Андреевич слегка слукавил. Он знал, что женщины скорее пожалеют несчастного, чем полюбят героя, поэтому и расписал свою жизнь в мрачных тонах. Дарья Федоровна позиционировалась как весьма недалекая старуха, медленно, но верно выживающая из ума, а сын был ласково назван «ботаником», хотя на самом деле он был довольно неплохим пульмонологом и работал в районном медицин-

ском центре, подхалтуривая платными консультациями и левыми приемами. Уж кем-кем, а оторванным от жизни лопухом он не являлся. Поэтому наивная дележка Шурочки, возмнившей, что получит легкую добычу, его только развеселила.

– Ну что непонятного? – загудела девушка в щель. – Мы размениваем эту жилплощадь, и вы с мамой получаете однокомнатную квартирку в зеленом районе плюс шикарную дачу в области. Сами подумайте: мама человек пожилой, ей нужен уход и свежий воздух, будете жить вместе...

И вот тут Дарья Федоровна внезапно ожила. Поняв, что юная идиотка видит в ней, неплохо сохранившейся пятидесятилетней женщине, вполне здоровой и полной сил, немощную бабульку, которую нужно будет кормить с ложечки и катать в инвалидном кресле по каким-то задворкам, а бывший супруг, похоже, это мнение разделяет, она моментально мобилизовалась и отчеканила:

– Лишить сына квартиры не позволю! Вон отсюда, оба!

– Тогда нам придется по суду, – попробовала вразумить ее Шурочка, не ожидавшая отпора.

Николай Андреевич, не рассматривавший проблему с отцовской точки зрения, почувствовал себя несколько пристыженным, но сдаваться не хотел:

– А, по-моему, мы очень неплохо придумали...

– Вон! – беззвучно рявкнула Дарья Федоровна. – Забирай свою девку и вон отсюда!

Она гордо удалилась, освободив путь к отступлению. Слезы высохли, равно как и жажда жизни, мечты и планы. Она ощущала себя иссякшим источником на потрескавшейся глиняной почве. Колкий песок прочно поселился в горле и глазах. Она перестала жить, перейдя в стадию бездумного функционирования. Единственное, что в ней еще теплилось, это острое чувство ненависти к молодым девицам. Ко всем. Без исключения.

Голая длинноногая шатенка смотрела на Дарью Федоровну мутным взглядом, словно не видя ее. Девчонка застыла посреди номера, который числился как освободившийся. В гостиничном компьютере ее абсолютно точно не было. Скорее всего, вечерняя смена решила подзаработать, пустив девицу с иностранцем за наличные. Эта была новенькой, но оттого не менее отвратительной в своей бесстыжей наготе и юности. Она даже не пыталась прикрыться.

Глава 7

Перепуганная Верочка, плохо ориентировавшаяся в пространстве и очень медленно соображавшая, понимала только одно: она провела ночь с каким-то мужчиной. Кавалер, похоже, отбыл утром на работу, а теперь заявилась его жена.

– Я сейчас все объясню, – пролепетала Верочка, ни разу в такие пикантные ситуации не попадавшая и предполагавшая, что сейчас ее будут бить. Тем более что выражение лица вошедшей было соответствующим.

– Интересно было бы послушать. – Дарья Федоровна скривила губы в презрительной улыбке.

– Я понимаю... он сам... а я не помню... а тут проснулась... – бормоча все, что приходило в голову, а туда почти ничего не приходило, словно все мысли вытекли через какое-то отверстие, оставив лишь бессвязный набор слов. Вера действовала на инстинктах. Сейчас самым главным было избежать кровопролития. Слабо представляя себе возможные намерения женщины, застукавшей в собственной спальне обнаженную девицу, Верочка тем не менее догадывалась, что ей не рады. Более того, ее сейчас могут не выпустить живой. Поэтому девушка, коротко взвизгнув, стремительно вылетела в открытую дверь, в надежде покинуть квартиру, убежать на чердак и там переодеться. То, что чердак может быть закрыт или на лестнице могут оказаться соседи, ей даже в голову не пришло. Мозг защищал сознание от лишних проблем.

Вылетев в гостиничный коридор, она понеслась так, что в ушах свистел ветер. Через пару минут петляния по этажу Вера поняла, что, скорее всего, находится в загородном доме. В фильмах про богатых и знаменитых показывали именно такие огромные виллы со множеством гостевых комнат. План нужно было срочно менять и бежать вниз, но прежде необходимо было одеться. Трясаясь всем телом, она прислонилась к стене и начала натягивать костюм, путаясь в подкладке и глотая слезы. Что-то было не так: с самочувствием, с полным отсутствием внятных воспоминаний, со странной тяжестью в голове и влажным холодом, ползающим по телу. Кроме всего прочего, невероятно хотелось пить.

Тупо посмотрев на голые ноги, Вера поняла, что в той комнате осталась ее обувь. Где была верхняя одежда – вообще непонятно. Или на улице тепло и ничего больше не было? А мобильник? Вера помнила, что телефон у нее тоже был.

К горлу вновь подкатила дурнота, и Верочка пошатываясь побрела мимо закрытого ряда дверей. Пейзаж напоминал декорации для фильма ужасов: толкнешь одну дверь, а оттуда...

Вывернув из-за очередного угла, девушка нос к носу столкнулась все с той же злобной женщиной в переднике. От страха и отчаяния Верочка разрыдалась.

Дарье Федоровне было так плохо, что слезами ее было не прорвать. Свои она все выплакала, а чужие раздражали. Молча сунув в руки рассопливившейся девице куль с вещами, которые она уже везла в камеру хранения «потеряшек», Дарья Федоровна молча прошла мимо, волоча за собой тележку с бытовой химией.

– Где я? – запоздало всхлипнула Вера, вдруг подумав, что, кроме этой странной тетki, она рискует больше никого здесь не встретить.

– Госсссподи, надо ж так пить! – прошипела себе под нос горничная и торопливо заехала в ближайший номер.

Пошуршав огромным пакетом, Вера обнаружила там и обувь, и мобильник, и дубленку. Судя по всему на улице была зима. От отсутствия воспоминаний хотелось горько-горько и долго реветь. Она чувствовала себя воздушным шариком, который несло невесть куда: траектория полета непредсказуема, а внутри – оглушительная пустота.

Девушка оделась и, покачиваясь от слабости, пошла бродить по коридору.

Первым живым человеком, который вышел ей навстречу, оказался щуплый узкоглазый мужчина. Он бодро семенил по ковровой дорожке, энергично перебирая маленькими ботиночками и уважительно разглядывая Верины ноги.

– Извините, – голос вдруг осип и слова хриплым клекотом застревали в горле, – как мне отсюда выйти?

Абориген что-то приветливо забормотал на неизвестном языке. Судя по интонациям, он был либо японцем, либо китайцем. Мужчина размахивал руками и выстреливал длинными гортанными фразами, адресуясь к Вериним голым коленкам. Она тоже посмотрела на свои ноги и равнодушно констатировала, что кожа, покрывшаяся мурашками, довольно дико смотрится в сочетании с зимними сапожками и дубленкой. Японец тем временем начал семафорить, указывая куда-то ей за спину и изображая короткими пальцами парный поход.

– Мамочки, да меня же за границу вывезли, – вдруг осенило Веру. – В бордель!

Эта мысль почти физически ударила девушку, оглушив и парализовав. Она медленно осела на пол и отключилась.

... – Да я бы выкинул эту шалаву на улицу, а вдруг япошка спросит. Он же почетный гость, как-никак! Вот зараза на мою голову! Что она на этаже делала? Максимыч, дай ей по роже, может, в себя придет?!

– Неудобно, – пробубнил совсем рядом низкий голос, и Верочку обдало запахом терпкого табака.

– Неудобно с голым задом по приличному отелю шляться! Тоже мне – эксгибиционистка! Красивая баба, а совести – ноль! Нет бы дома сидеть, детишек рожать, котлеты жарить, так нет! Денег им всем хочется.

Говорил он очень прочувствованно, видимо, о чем-то своем, наболевшем.

И вдруг на Веру обрушились воспоминания все сразу, оптом: уход Вовы, Марко, внезапно ставший симпатичным, заселение в гостиницу, а потом...

У Веры запыхали щеки, и она резко вскочила, открывая глаза. Открыть их до конца девушка не успела, сильно и гулко стукнувшись обо что-то лбом.

– ... !!! – жалобно завопил кто-то прямо у нее над плечом.

Верочка осторожно приоткрыла один глаз: держась за челюсть, рядом с ней сидел крепкий седой мужик в костюме, который смотрелся на нем, как седло на корове.

– Вот кобыла! – гаркнул еще кто-то невидимый, но явно раздраженный ее присутствием. – Юбку одерни, заголяется тут!

Мужики были грубыми, и дожидаться от них сочувствия не приходилось, но слезы катились сами собой и обильно орошали воротник дубленки.

– Ой, не реви тут! – прошамкал тот, что маялся с челюстью. – Иди, ничего тебе не будет, только чтоб больше здесь не появлялась!

– Куда я пойду! – в голос зарыдала Верочка, у которой не было ни копейки денег на обратную дорогу, но пересилить себя и попросить она не могла.

– Иди куда хочешь, – рявкнул второй и для пущей убедительности треснул рукой по столу. Чуда не случилось: Веру просто вежливо, но настойчиво вытолкали на улицу.

Слепило зимнее солнце, ноги моментально полоснуло ледяным холодом. Верочка побежала в метро греться и звонить Володе. Удивительно, но на трубке среди звонивших не было его номера телефона, только телефон Русланы и неопределившийся номер – видимо, ее искала мама. Самым важным сейчас было сообщить Володе, что испанец пропал. Что это могло значить, она не понимала, но подозревала, что Вова не обрадуется. Она не оправдала доверия. Более того... Обо всем остальном Верочка даже не могла думать, ее начинало мутить и ноги подкашивались от ужаса. Как можно было допить до полной бессознательности, она искренне не понимала, но подозревала, что Марко что-то ей подсыпал. Хотя это было оправ-

данием, явно притянутым за уши. Вовин телефон выдавал унылые гудки, но трубку он не брал. В отчаянии Верочка набирала и набирала номер, пока не сообразила, что можно позвонить в офис. Но там тоже никто не отвечал. Растерянная и подавленная, она позвонила Руслане, которая сначала завопила от радости, а потом обрушилась на Верочку гневной лавиной упреков.

– Руся, заberi меня отсюда, – вклинилась в ее тираду уставшая девушка.

– Откуда? – тут же по-деловому осведомилась Руслана. Она умела быстро обрубать эмоции, переходя к делу.

– Извините, это какое метро? – дернула Вера за рукав ближайшего прохожего.

Парень посмотрел на ее лиловые от холода коленки, хмыкнул и ткнул пальцем в вывеску под потолком:

– «Маяковская!»

– Спасибо, – пролепетала Верочка.

– Ясненько, – поцедила Руслана. – Через полчаса буду. Жди.

– Русь, а ты маме...

– Нет уж, давай сама! Я с ней и так полночи прообщалась – сыта по горло. Между прочим, оказывается, это из-за моего дурного влияния ты теперь дома не ночуешь! С кем поведешься – от того, как говорится, и наберешься. Кстати, я пополнила свой лексикон весьма забавными выражениями. Так что сочувствую. Забывать о родителях иногда весьма накладно для нервной системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.